

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС ОРЛОВ

Капитан не на
того поставил

Бывают
орки добрые,
но этот другой

Он мечтал о дальних странах, но оказался в плену

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Золотой пленник

Алекс Орлов

Золотой пленник

«Автор»

2006

Орлов А.

Золотой пленник / А. Орлов — «Автор», 2006 — (Золотой пленник)

Бывает, что мечты сбываются, но не всегда так, как хочется. Питер Фонтен, племянник богатого купца, мечтает избавиться от дядиной опеки. Пока он учится в малкуде, чтобы продолжить торговые традиции, но видит себя героем и путешественником, не боящимся уличных мальчишек. Ему семнадцать лет и он отправляется с торговым караваном, чтобы постичь тонкости торгового ремесла, однако его судьбу изменяет встреча с бандой головорезов – бой на дороге, плен и рабство. Перепродажа имперской казне и участие в войне в качестве «казенного человека» – бесправного государственного раба. Каково узнать жизнь с этой стороны? И это только начало, ибо в дело вмешиваются могучие колдовские силы.

© Орлов А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	18
8	20
9	22
10	24
11	25
12	27
13	29
14	32
15	34
16	36
17	38
18	40
19	43
20	45
21	47
22	49
23	51
24	53
25	56
26	58
27	61
28	65
29	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алекс Орлов

Золотой пленник

1

Обоз медленно втягивался в ущелье, тяжелые возы скрипели и подскакивали на попадавших под колеса камнях. Нух Земанис озабоченно приподнимался со своего места, чтобы заглянуть через плечо возницы – не упало ли на землю что-то из его добра.

Кроме самого хозяина в обозе из сорока телег находились еще трое его приказчиков, однако старый Нух не надеялся на них и каждую мелочь предпочитал проверять лично.

Над дорогой, по краям каньона слева и справа, ехали всадники Рудвара – он служил у купца Земаниса начальником охраны. Пять с одной стороны и столько же с другой. Им приходилось пробираться по узким тропкам, проложенным такими же охранниками, но ступала здесь и нога разбойников, ущелье Алабака считалось самым опасным местом на всем перегоне из Гудбурга в Индзор.

Высокие, футов в тридцать, отвесные стены каньона были изъедены ветром и редкими осенними дождями. Красная безжизненная глина не давала пристанища ни одной травинке или кустику, лишь кое-где, разбив слой твердой как камень глины, ухитрились рыть норы зимородки. Дорога на дне ущелья приучила их к беспокойству, они сидели у входа в норки и, склонив головы, смотрели на обоз. Иногда со стены срывался камешек, и тогда они нервно вспархивали, но сразу успокаивались и продолжали наблюдение.

Высоко в небе парили орлы, непоседливый Питер то и дело оставлял надоевшие счеты и устремлял взор к этим величавым птицам. Они находились очень высоко, так высоко, что их не достала бы стрела из самого тугого лука, но конюх Хаким рассказывал, будто орел видит на земле каждый, даже самый малый камушек.

«Вот бы и мне так», – вздохнул Питер.

– Итак, что ты там насчитал? – повернулся к нему Нух. – Сколько будет пошрины с двадцати мешков тонкой шерсти при доставке ее из Гудбурга в Индзор?

– Четырнадцать рилли, дядя.

– Великолепно! Ты отлично считаешь на счетах!

– Какие счета, дядя? – Питер вздохнул. – Это легкая задачка.

– Ну и что с того, что легкая? Вот вернемся в Гудбург, я задам тебе высчитывать наш годовой дебет – посмотрим, как ты справишься.

– Этого мы в малкуде еще не проходили...

Мимо проскакал начальник охраны Рудвар, тяжелый конь мардиганской породы и широкоплечий наездник представляли собой одно целое – боевой таран. Начищенный до блеска щит, кираса и широкий меч – вот на кого хотелось быть похожим Питеру, носить такой же островерхий шлем с подглазьями и плетенные из стальной кованки перчатки. А еще эти сапоги с серебряными пряжками, подбитые медными гвоздями. От начальника охраны веяло такой уверенностью, что, казалось, нет на земле такой силы, которая могла бы его сокрушить. В своих мечтах Питер видел себя на вороном мардиганце, в иссеченной вражескими мечами кирасе, а не в школярской кипе и куцем мундирчике, который он ненавидел. Дяде форма ученика малкуда нравилась, он отказывался покупать племяннику другую одежду. Новую – пожалуйста, кипу с золотой нитью или башмаки из оленьей кожи с серебряными пряжками – они стоили целое состояние, но Нух Земанис был богатейшим купцом Гудбурга, и в торговой слободе города, где дома стояли один другого богаче, его считали самым уважаемым человеком.

Но что толку от его богатства, если сын печника, Бока, ходил с высоко поднятой головой, хотя и носил башмаки из свиной кожи. Когда он проходил по улице в застиранной рубашке и в жилете из бычьей шкуры, пятнадцатилетние дочки-близняшки купца Фуммера кричали ему вслед: «Эй ты, грязнуля!» И ждали, затаив дыхание, обернется или нет.

На Питера они так не смотрели – он был для них свой. Иногда делились своими девичьими секретами или спрашивали, есть ли у Бока подружка, а Питеру хотелось, чтобы и на него смотрели как на мужчину, хотя какой он мужчина – в этой глупой кипе.

Питер снял головной убор и снова стал смотреть на Рудвара.

Как-то он попросил начальника охраны научить его драться, это случилось вскоре после нападения городских мальчишек. Они были значительно моложе Питера – лет тринадцати, а то и меньше, и один из них крикнул:

– Эй, ты, верхоцкая шапка!

Потом подскочил и ударил Питера в лицо, да так сильно, что тот упал. Оказалось, что в кулаке у малолетнего разбойника была зажата свинчатка. Неизвестно, чем бы все закончилось, не заступись за купеческого племянника булочник. Он отогнал хулиганов, дал Питеру воды – умыть разбитое лицо – и проводил к дяде. Питер ожидал, что дядя потребует призвать нападавших к ответу, старшина городской стражи к нему прислушивался, однако Нух Земанис неожиданно отказался от мести.

– Их не перевоспитать, Питер, в любом городе брошенные дети живут как мухи на отбросах, а чтобы такого больше не повторилось, в малкуд отныне тебя будет провожать кто-нибудь из слуг.

Однако малолетние разбойники оказались настолько наглыми, что преследовали его даже в сопровождении конюха Хакима, выкрикивая оскорбления и снова обзывая «верхоцкой шапкой». Конюха они не боялись и забросали обоим камнями.

В следующий раз провожать Питера пошел Рудвар. В отличие от конюха он выглядел молчаливым, выходил в город при оружии, оставляя дома лишь кирасу и шлем, его всегда сторонились прохожие. Но за невозмутимым поведением скрывалась готовность действовать: едва появилась банда хулиганов, Рудвар сбросил тяжелые перчатки и одну за другой метнул их в агрессоров. Сбив двоих, он указал на убежавших и властно крикнул:

– Держите их!

Несколько прохожих бросились беглецам наперехват и, быстро скрутив их, доставили Рудвару. Начальник охраны собрал всех четверых оборванцев вместе и жестоко их избил, как показалось Питеру, совершенно не щадя и не делая скидку на малый возраст. Затем подобрал перчатки, и они с Питером продолжили путь в малкуд как ни в чем не бывало. Именно тогда, пораженный силой, ловкостью и решимостью этого человека, Питер попросил:

– Научи меня драться, Рудвар!

– Зачем вам, ваша милость? – искренне удивился тот.

– Мне нужно уметь постоять за себя.

– А на что же тогда охрана, ваша милость? Ваше дело хозяйское – приказы отдавать, а мы вам будем служить.

– Так-то оно так, но мне и самому хотелось бы что-то уметь.

– Извольте, ваша милость, если хозяин прикажет – я научу.

Однако дядя не приказал. Напротив, он даже посмеялся над этой затеей Питера:

– Ну зачем тебе это? Посмотри на Рудвара – он крепок и силен, его дело держать меч и защищать своих хозяев, а мы должны уметь заработать деньги, жить на них и дать прокормиться всем тем, кто нам служит. Если тебе мало одного охранника, я могу послать с тобой двоих или троих – но ты должен посещать малкуд, несмотря на то что кто-то будет кричать тебе вслед «верхоцкая шапка!».

И Питер был вынужден согласиться, понимая, что дядя разбирается в жизни куда лучше. Вот и теперь лишь из-за его настойчивости племянник ехал с ним в обозе, в совершенно неурочное для торговли время. И если на перегоне до Индзора самым страшным казался каньон Алабака, то после Пешехара можно было столкнуться с разбойничаящими в этих местах кочевниками. Перезимовав на побережье Савойского моря, они возвращались к себе в пустынный край и между делом заглядывали на караванные пути, чтобы, если повезет, перехватить обоз с дорогим товаром. Если обоз не попадался, кочевники грабили селения и угоняли с собой скот и людей – они не брезговали ничем.

Лишь ближе к лету на дорогах появлялись посты солдат императора Рамбоссы Лучезарного, и тогда кочевники уходили окончательно – противостоять обученным императорским арбалетчикам и тяжелым кирасирам они не могли.

С приходом солдат на дороги начинался сезон торговли, из всех городов в разных направлениях выходили обозы, и на рынках закипали торговые страсти – цены на товары стремительно падали. Те же, кто рисковал отправиться до прихода императорских солдат, получали прибыль сверх всякой меры, поскольку торговали вовсе без конкурентов.

Вот и Нух Земанис решил на подобную экспедицию, справедливо рассудив, что, взяв достаточно охраны, сможет беспрепятственно добраться до места. Отряды кочевников никогда не были слишком большими, и со своими двадцатью охранниками купец намеревался добраться до Индзора, а там, взяв на службу еще десяток, за семь дней пройти к Пешехару.

– Ты увидишь, какой это удивительный город! – восторгался дядя, когда они ехали в обозе. – Индзор иной, чем наш Гудбург, а уж Пешехар – совершенно другой мир! Тебе понравится.

2

Извилистый каньон с изъеденными временем красными стенами закончился, он обмелел, раздался в стороны и затерялся в оставшихся от меловых скал осыпях. Дорога потянулась в гору, возницы спустились на землю и пошли рядом с возами, чтобы ломовым лошадкам было легче.

Нух Земанис с Питером тоже спустились размять ноги.

Мальчик шел задумавшись, старый Нух любовался им – теперь это был его наследник, в руки которого удачливый купец собирался передать все свое имущество.

Было время, когда у Нуха Земаниса имелась своя семья – жена и двое детишек, и жили они в небольшом городке – Недде, неподалеку от Гудбурга. Торговля у Нуха тогда была скромной – всего пара лавок, однако на жизнь хватало и в доме был достаток. Совершенно неожиданно посреди этого счастья на Недд обрушился мор, жители заболели и по истечении нескольких дней чернели и умирали в страшных судорогах. Ни знахари, ни шарлатаны из города помочь ничем не могли, некоторые из них умерли сами. Одна за другой опустели мастеровые слободки, потом пришел черед купцов – бежать из города было некуда, солдаты обложили его со всех сторон, чтобы вырвавшийся из Недда мор не опустошил всю округу.

Потерял своих близких и Нух Земанис, он похоронил их в садике возле дома и, когда закончился карантин, пошел куда глаза глядят.

Уже на заставе за городом он узнал, что кроме него из всего населения Недда выжил лишь двухлетний мальчик, сын работавшего у бургомистра садовника. Нух посчитал это знаком свыше: раз уж из всего населения города они остались вдвоем, значит, быть им теперь вместе.

Перебравшись в Гудбург, Земанис на оставшиеся средства открыл новую лавку. Потом еще одну и еще, за лавками последовали оптовые склады, рыбокопильни, рынки. В какие бы рискованные предприятия он ни вступал, они приносили ему прибыль; казалось, Нух получал плату за потерянную семью.

Питер между тем рос ребенком сообразительным, учеба в малкуде давалась ему легко, и он отчаянно скучал на уроках, далеко обгоняя своих сверстников.

Едва обоз выбрался из каньона, охранники заметили стоявший у дороги шатер, и двое из них вместе с Рудваром поехали на разведку.

Со своего места на возу Питер увидел, как навстречу всадникам вышли какие-то дети.

– Гномы, – произнес Нух.

– Что они здесь делают?

– Кто ж его знает? Должно быть, тоже едут по своим делам – как и мы.

– В малкуде говорили, раньше гномов здесь было много, они жили в Недде и в копиях на север от Гудбурга.

– Сказки все это.

Нух вздохнул. Он и сам слышал эти разговоры, будто мор, поразивший жителей Недда, поднялся из глубоких гномьих пещер, давно заброшенных ими и запечатанных, но вскрытых жадными людьми, искавшими в подземельях сокровища маленького народа.

Пока они разговаривали, телега подъехала к гномам совсем близко, и Питер увидел длинные расчесанные бороды и черные глаза, внимательно глядевшие из-под косматых бровей. Гномов было пятеро – все мужчины, широкоплечие и, как показалось Питеру, абсолютно одинаковые. Одеты эти забавные существа были в простые льняные штаны и рубахи, перетянутые широкими поясами. На поясах висели сумки, Питер догадался, что в них инструменты, поскольку один из гномов, поверх одежды которого был надет кожаный фартук, держал в руках кузнечные клещи, а чуть поодаль дымился сложенный из камня горн.

– Не хотите ли поправить коняжек, ваша милость? – произнес этот, в фартуке, распознав в Нухе Земанисе самого главного.

– Нет, братец, спасибо, кони недавно подкованные, – вежливо отказался купец.

Гномы никак не отреагировали на отказ и даже не пошевелились, продолжая пристально смотреть на проезжавшие возы.

– Они что же – все кузнецы? – спросил Питер.

– Не обязательно. Есть мастера по холодному металлу, есть обувщики, другие брошки делают и пуговицы серебряные, а дальше на запад, – Земанис махнул в сторону вздымавшихся к небу горных пиков, – торговлю ведут. Когда-то давно, когда я еще был молодым, мы ездили покупать у них руду, аметисты и горную смолу.

– А потом почему же бросили руду покупать?

– Заработки там копеечные были. Шелк, серебро, пряности, шерсть – вот где доходы, а руду хорошо по рекам возить – на галерах, на телегах-то много не перевезешь.

3

На обед остановились у двух огромных, в семь обхватов, валунов, охранники разбили между ними шатер для хозяина и его племянника, а погонщики стали кошеварить.

Принюхиваясь к запаху кулеша, Питер поглядывал на дядю. Тот открыл походную книгу учета и делал в ней необходимые записи. Отойдя за шатер, племянник тайком достал короткий, подаренный Рудваром кинжал.

Дядя знал об этом подарке, Рудвар, как верный слуга, доложил о нем хозяину, однако дядя решил оставить кинжал Питеру, чтобы хоть немного утолить странную тягу будущего купца к оружию.

После обеда и получасового отдыха сняли шатер и уже собрались трогаться в путь, но тут один из бдительных охранников поймал какого-то оборванца. Его привели к Нуху Земанису, когда тот устраивался на возу.

– Вот, хозяин, – сказал Рудвар, заставляя пойманного сгибаться в три погибели и скулить.

– Кто это?

– Следил за нами из кустов, его Ниман схватил.

– Кто ты и что тебе здесь нужно? – спросил купец.

Пойманный испуганно огляделся и сказал:

– Я есть хочу, думал, вы уедете, посмотрю у костра – может, хоть корочка осталась...

– Ты плохо одет, но ты не выглядишь изможденным. Что думаешь, Рудвар?

– На нем солдатские башмаки, хозяин. Это дезертир.

Бродяга насупился.

– Да, я бежал из солдатчины, потому что сержант грозился меня убить!

– За что же? – поинтересовался купец, жестко глядя на оборванца.

– Да ни за что, ваша милость, собака он!

– Зачем за нами наблюдал – говори правду, ты лазутчик?

Задержанный еще ниже опустил голову:

– Я есть хочу, честное слово, дайте корочку, ваша милость – век благодарить буду...

– Ну ладно, Рудвар, догонишь нас, – сказал Земанис и, толкнув возницу в плечо, добавил:

– Трогай!

Тот ударил лошадок вожжами, они дернули воз и потащили по каменистой дороге.

Питер оглянулся. Рудвар, Ниман и лазутчик остались стоять на дороге – на первый взгляд, там ничего не происходило.

– Не смотри туда, Питер, – холодно произнес Земанис.

– А что они с ним сделают, дядя?

– Они постараются выяснить, кто его послал сюда и с какой целью.

– Но кто его мог послать – он ведь сказал, что ищет еду?

– Ты еще так наивен. – Земанис обнял племянника. – Однако нужно взрослеть, люди не всегда говорят правду, и к этому нужно быть готовым. Этот оборванец выглядит достаточно упитанным, а рваную одежду носит для отвода глаз. Здесь, на дороге, он высматривает обозы вроде нашего, а потом сообщает своей шайке, и те режут добрых людей, чтобы забрать товары и золото. На дороге это обычное дело.

Через пару минут послышался топот – Рудвар и Ниман догоняли обоз. Питер обернулся, начальник стражи выбросил на обочину пучок сухой травы, которой вытер меч, прежде чем убрать его в ножны.

Поравнявшись с повозкой хозяина, они придержали лошадей.

– Ну что? – спросил Земанис.

– Их двадцать семь человек, в двух часах к западу у них в пещере логово.

– Вот как, – покачал головой купец. – Значит, нам повезло.

– Они бы не осмелились – у нас много людей.

– И то верно.

– А почему я не вижу его на дороге? – спросил Питер, снова оборачиваясь. – Вы его уже отпустили?

Рудвар покосился на хозяина, дал лошади шпор, и они с Ниманом унеслись вперед, оставив дядю объясняться с племянником.

– Не задавай вопросов, Питер, нас с тобой не должно касаться, как Рудвар поступает с такими людьми.

4

К вечеру пятого дня пути обоз въехал в плодородную долину, по обе стороны насыпной известняковой дороги потянулись нарезанные квадратиками участки полей. В этом крае хорошая земля была редкостью, поэтому каждый ее клочок обрабатывался со всей тщательностью, наделы выглядели словно пышные грядки и работникам было дело до каждого всхода. Тот тут то там, волоча нехитрые орудия, по междурядьям ходили погоняемые крестьянами мулы. Рядом работали женщины и дети, они с интересом посматривали в сторону обоза.

Скоро в вечерней дымке среди островерхих кипарисов стали появляться красноватые черепичные крыши Индзора. Город казался нарядным, куда более радостным, чем вечно дождливый Гудбург. Питеру захотелось сразу попасть на его улицы, но со всем обозом туда было не пройти.

Место для остановки выбрали на большом постоялом дворе, который теперь, в межсезонное время, выглядел пустым. Даже сорок возов в загородке занимали совсем немного места, а коновязей было столько, что их ряды, казалось, уходили к горизонту.

Нух Земанис лично проверил, как укрыт товар, сколько и какого корма дано лошадям, а еще собственноручно выдал местным сторожам медных денег, чтобы они получше смотрели за его имуществом.

Охранникам с погонщиками место для ночлега указали под длинным навесом с плетеными из лозы стенами, а Питеру с дядей достались двухкомнатные апартаменты в каменном доме, с мебелью, теплой водой в умывальнике и чистой уборной.

Питер сразу лег спать, он почувствовал, что очень устал за эти пять дней, хотя в обозе он этой усталости не чувствовал. Назавтра дядя обещал показать, как нанимать работников в чужом городе, поскольку этот поход был для Питера учебным.

Утро пришло с теплыми лучами солнца, пробравшимися в комнату через щель между ставнями.

Питер потянулся, открыл глаза и улыбнулся – теперь дорожное приключение казалось ему желанным. Еще один день, и снова в путь – навстречу неведомым местам.

Подойдя к окну, Питер выглянул во двор – там уже вовсю кипела жизнь, на большом очаге готовился завтрак для слуг и охранников, между возами ходил Нух Земанис и отдавал возчикам распоряжения.

Питер понял, что дядя пожалел его и дал поспать, хотя сам, надо полагать, встал еще до рассвета.

Умывшись из фаянсового рукомойника, Питер вытерся мягким, надушенным полотенцем и вышел во двор.

Заметив его, дядя приветливо помахал рукой.

– Сейчас будем завтракать!

Подойдя ближе, он обнял Питера и тут же поделился переживаниями:

– Ночью было сыро, пришлось проверять, как чувствуют себя наши кожи.

– И как же они себя чувствуют?

– Хорошо. Ну, идем на террасу, честно говоря, я проголодался, пока тебя ждал.

Они поднялись на террасу, где подавали еду богатым постояльцам. Поскольку других гостей не было, все внимание слуг было обращено на купца и его племянника.

Первым блюдом оказались плоские белые тарелки с прозрачной жидкостью. Слуга, наряженный в необычный для гостей с севера длиннополый халат из желтого шелка, принес огонь и, скатав из рисовой бумаги два шарика, пустил их плавать в тарелки Нуха Земаниса и Питера, затем поджег их от масляной плошки.

Бумага вспыхнула, и на поверхности жидкости остался только пепел. Заметив удивление на лице племянника, дядя улыбнулся и, когда тарелки унесли, пояснил:

– Эти люди очень ответственно подходят к своему делу, сейчас они проверяли, нет ли на нас проклятия...

– И что же выяснили?

– Бумага горит – значит, пока все в порядке.

– А если бы что-то было?

– Нам бы не подали еду – пришлось бы идти в город.

– Очень весело. – Питер несмело улыбнулся.

– Привыкай, чем дальше на юг, тем больше незнакомого и странного тебе придется увидеть.

5

После завтрака в сопровождении Рудвара и Нимана Питер с дядей отправились в город пешком – требовалось набрать еще десять охранников, поскольку переход от Индзора к Пешехару мог оказаться более опасным.

Город производил странное впечатление: с одной стороны, побеленные стены домов, оранжевая черепица крыш и красные шаровары здешних жителей создавали впечатление праздника, однако Питер ловил себя на желании поежиться, словно откуда-то вдруг возникал пробирающий до костей сквозняк.

Нагруженные арбы, сосредоточенные на дороге ослики и неторопливые прохожие – Питер смотрел на все это как сквозь сон, впечатлений было много, и они дурманили. Лишь усмешка черноглазой девушки заставила его встряхнуться и оглянуться на нее, чтобы оценить фигуру.

Девушка тоже оглянулась и показала Питеру язык.

– Питер, сейчас не время! – не оборачиваясь, позвал дядя. Казалось, и на затылке у него есть глаза.

«Это Рудвар ему сказал», – догадался Питер, догоняя остальных.

Вскоре они остановились возле одного из заведений в самом центре города. У коновязи скучали с полдюжины лошадей и работник сметал в сторону свежий навоз. «Сторожевой кот» – значилось на вывеске, и вырезанный из жести силуэт кота в шляпе салютовал посетителям пивной кружкой.

У двери стояли двое мужчин, они были при оружии, одеты небрежно и довольно богато. Видно было, что деньги у них водятся, но долго не задерживаются. Дядя о чем-то их спросил, они указали на дверь «Сторожевого кота». Нух Земанис, его охранник и Питер вошли внутрь.

В просторном зале находилось человек двадцать мужчин, они вяло переговаривались, глядя на пивную пену в своих кружках. Со всей очевидностью они здесь только убивали время.

Нух Земанис вышел на середину и объявил:

– Мне нужны десять человек для охраны обоза до Пешехара!

Воцарилась тишина, завсегдагаи заведения стали придирчиво рассматривать купца в дорогом синем бархате и малиновой шапочке с брошью в виде золотой птички.

– А большой ли обоз? – спросил один из них.

– Сорок возов!

– Десять человек на сорок возов – мало.

– У меня уже есть своих двадцать.

– А почем заплатишь, хозяин? – отозвался из дальнего угла широкоплечий бородач.

– Пять серебряных рилли, да еще кулеш с мясом.

Снова воцарилась тишина, каждый прикидывал, не маловата ли цена, но по всему выходило, что цена хорошая.

– Если карсаматы налетят – не отобьемся... – заметил кто-то, но его не поддержали.

– Я пойду! – поднялся со своего места бородач.

– И я!

– И меня бери, купец!

Вскоре отряд был собран, Нух записал в свою книгу имена и прозвища новых охранников и сказал им, чтобы шли к постоялому двору. Когда те ушли, спросил Рудвара:

– Ну, как они тебе?

– Жулики, конечно, но ведь они нам нужны для количества – чтобы возможный неприятель испугался.

– Вот именно.

Сделав эти необходимые приготовления, Нух предложил прогуляться по городу.

– Питеру это будет интересно, а мы ходим рядом, – пояснил он Рудвару.

Питеру действительно было интересно: в Индзоре помимо нужных всем и каждому ремесленников – столяров, сапожников и портных – имелось множество людей, занимавшихся, по мнению Питера, никчемным ремеслом. Они чеканили серебряную и медную посуду, лепили и раскрашивали глиняные фигурки – без всего этого можно было обойтись, но как же интересно разглядывать все это в лавках!

Особенно Питеру понравился дровосек, державший в руках крохотный топор, и еще рыбак в лодке, но на предложение дяди купить безделушки он, вздохнув, отмахнулся:

– Баловство это, дядя, я ведь уже не ребенок.

– Ну-ну, – усмехнулся Нух Земанис. Его племяннику пошел семнадцатый год.

Немного проголодавшись, они перекусили в небольшой чистенькой таверне, потом зашли в старый город. Улицы здесь оказались уже, а окна домов – меньше. Прохожие попадались редко, а звуки шагов множило громкое эхо.

В какой-то момент Питер отстал от дяди и, заглядевшись на вырезанные в камне узоры, едва не споткнулся о сидевшего у стены нищего.

– Помоги несчастному, мальчик... – проскрипел тот неприятным голосом и протянул руку. Питер попятился.

– Что вам нужно?

– Дай монетку на хлебушек – у тебя ведь есть.

– Есть, – кивнул Питер, не отводя от протянутой руки брезгливого взгляда.

– Ну так поделись, а я тебе про жизнь твою расскажу...

– Я про себя и так все знаю.

– Знаешь, да не все.

– Возьмите просто так. – Питер осторожно вложил в ладонь нищего несколько медных монет.

– Нет, – замотал тот головой. – Просто так не возьму – давай скажу будущее! Задай вопрос, который тебя мучает.

– Но что же меня мучает?

Питер оглянулся на дядю, тот с охранниками уходил все дальше.

«Чего же я хочу, о чем мечтаю? Ну, это просто – я хочу свободы. Свободы от назойливой опеки дяди, свободы от учебы в малкуде».

Он хотел бы стать свободным как птица и путешествовать, самому беспокоясь о пропитании и находя ночлег на обочинах дорог.

– Скажи, это когда-нибудь случится – то, о чем я мечтаю? – спросил Питер.

– Быстрее, чем ты думаешь, мальчик.

Нищий улыбнулся беззубым ртом и ссыпал монеты в кожаный мешочек, а Питер развернулся и побежал догонять дядю, подальше от ужасного нищего. Лишь оказавшись рядом с Рудваром, Питер осмелился обернуться, но нищего у стены уже не было, он исчез.

– Вас кто-то напугал, ваша милость? – спросил начальник охраны.

Только тут Питер заметил, что вцепился в пояс Рудвара.

– Нет, это я так... Споткнулся.

– А мы сейчас покажем тебе еще одну достопримечательность города, – произнес дядя, который даже не заметил отсутствия племянника.

6

Нух Земанис пребывал в хорошем расположении духа, а у Питера не шел из головы этот жуткий нищий, исчезнувший так неожиданно. Погруженный в собственные мысли, Питер не заметил, как они вышли на рыночную площадь, где на специальном помосте, перед шеренгой понуро стоявших людей, бегал мужчина в черных шароварах и красной жилетке на голое тело. Он что-то кричал – Питер не сразу разобрал, что именно.

– Посмотрите, этот совсем еще не старый – крепкие руки, широкие плечи и неплохие зубы! Если его хорошо кормить, будет работать на вас еще двадцать лет! Итак, хозяин просит за него двадцать пять рилли!

– Так и быть, возьму за эту цену! – крикнул кто-то из толпы.

– Даю тридцать рилли! – приняли вызов с другой стороны.

– О, целый золотой! – оживился торговец. – Итак, будут другие предложения? Нет? Работник продан!

– Это невольничий рынок? – догадался Питер.

– Да, в Индзоре разрешено владеть рабами, как у нас в Гудбурге – скотом.

На помосте торговались за следующего невольника. Это была девушка со следами кнута на обнаженных руках.

– А вот эта пташка может работать по дому, нянчить детей или рожать, если на то будет воля ее хозяина!

– Что ж он продает такую красотку? Небось не мила была с ним? – подали реплику из толпы.

– Сразу видно – непокорная, вон как он ее исполосовал, – согласился кто-то.

– Два золотых! – объявил продавец, словно не слыша этих рассуждений.

Пока шли торги, Питер не сводил с невольников и их покупателей удивленного взгляда. То, что людей продают как скот, коробило его.

– Дядя, – обратился он к Нуху Земанису и обмер – у купца не было головы! Земанис стоял не падая, а синий кафтан на плечах пропитывался свежей кровью.

Питер стал задыхаться, попятился, и... наваждение прошло.

– Что ты хотел сказать? – спросил Нух Земанис, внимательно глядя на племянника. – Да ты здоров ли?

– Я... я здоров. – Питер перевел дух и дотронулся до лба – должно быть, он слегка перегрелся. – Я хотел спросить, почему здешний герцог позволяет такую дикость? Продавать людей – это нехорошо!

– Не так уж и нехорошо. У меня было множество должников, которые не могли отдать взятые деньги, и их сажали по суду в долговую тюрьму. Какая мне от этого польза? А если бы я мог взять их в собственность, они бы работали на меня и возвращали долг, так что определенный смысл в этом есть. А герцога здесь нет, он и его родственники были истреблены во время войны с императором Рамбоссом Лучезарным, теперь здесь правит его наместник.

– Все равно я не согласен, – упрямо повторил Питер.

– Это юношеская горячность, дорогой мой, когда-нибудь ты поймешь меня.

Они возвратились в доходный двор, и всю дорогу Питер находился под впечатлением от увиденного – говорившего загадками страшного нищего и невольничьего рынка.

А еще это видение, когда дядя оказался без головы и весь в крови...

Питер отнес его на счет усталости.

На постоялом дворе Земаниса дожидалось пополнение, новые охранники уже освоились и подчищали оставшуюся в котле похлебку. Заметив возвращение работодателя, они поднялись, демонстрируя свое уважение.

– Хорошо бы аванс, хозяин... – подал голос один из новичков.

– Получите, но только завтра утром. – Земанис усмехнулся. – А то ведь сами знаете, дай вам сейчас серебра, к утру едва теплыми будете.

– Ну да...

– Это так, хозяин, – не стали спорить охранники, зная за собой такую слабость.

Оставив во дворе Рудвара и Нимана, Земанис с племянником поднялись в апартаменты.

– Перекусить не хочешь?

– Спасибо, дядя, я лучше полежу.

– Ну как знаешь, я поднимусь на террасу – воздух здесь особенный, все время есть хочется.

Оставшись один, Питер достал подаренный кинжал и несколько минут любовался им, невольно представляя, как разит врагов.

«Пусть только сунутся», – пригрозил он мысленно, спрятал кинжал в ножны, снял башмаки и вытянулся на широком топчане, немного более жестком, чем он привык. В Гудбурге все спали на перинах.

7

На другой день с первыми лучами солнца обоз двинулся к южной дороге в объезд Индзора. Над возами, людьми и лошадьми поднималась известковая пыль, и слабый ветер нехотя сносил ее на обочину. Белые дома с оранжевыми крышами остались в центре города, а по окраинам стояли облупленные халупы, среди которых бегали грязные дети.

Навстречу обозу проехал разъезд городских стражников. Равнодушно скользнув взглядами по Питеру и Земанису, они, позевывая, поехали отдыхать после ночного дозора.

С юга подул теплый ветер, он стал усиливаться, и к моменту, когда крыши Индзора скрылись за горизонтом, из собравшихся тучек пролился быстрый дождик.

– Наверное, последний этой весной, – сказал дядя, облегченно вздыхая: его товару дождь был не нужен.

После череды пологих холмов, между которыми вилась дорога, местность изменилась, вдоль обочины потянулись кустарники, а на смену холмам пришли небольшие низинки, где сбивались разбавленные кипарисами и дубравником рощи. В таких местах внимательный Рудвар отправлял в разведку Нимана, и пока обоз тащился до очередной низинки, охранник успевал ее проверить и выехать на дорогу, чтобы призывно помахать рукой – дескать, все в порядке.

Рудвара кажущаяся безмятежность не успокаивала, он приказал зарядить арбалеты, и теперь все сидевшие на обозах наемники были готовы отразить нападение. Питер отметил, что с обозом эти люди ехали не впервые и знали, как себя вести, иногда сходили на дорогу, чтобы размять ноги, или сменяли возниц, пока те отбегали в кусты оправиться.

В обед остановились у большой рощи и стали разводять костер. Один из возчиков принес Питеру орехов.

– Вот, ваша милость, с прошлого года висели – их даже белки не заметили.

– А они не испортились за зиму? Потравишь нас, – заметил Земанис.

– Нет, орехи вкусные, сам я уже много съел.

Оставив орехи, возница ушел, а Питер посмотрел на убегающую вдаль дорогу и спросил:

– До Пешехара десять дней ехать будем?

– Да, если ничего не помешает.

– А что дальше – за Пешехаром?

– Дорога идет до самого моря.

– До Савойского?

– До него самого.

– А что на море?

– Торговые порты, в них заходят галеры.

– А как галеры ходят – под парусом?

– Под парусам и с помощью живой силы – с веслами.

– Интересно как. – Питер вздохнул: теперь ему хотелось посмотреть море.

От костра с полными площадками разбегались охранники и возчики, они торопились – через полчаса нужно было трогаться. Питер уже начал втягиваться в этот беспокойный ритм, и он ему даже нравился.

Дни в пути были похожи один на другой: подъем до рассвета, завтрак и долгая монотонная тряска, а еще бесконечные нравоучения дяди. Питер уже научился притворяться, что слушает, на самом же деле мысли его были далеко.

На четвертый день нового перехода в глубокой, заросшей молодым лесом балке пришлось перебираться через небольшую быструю речушку. К удивлению Питера, на переправе стоял один из слуг Нуха Земаниса и что-то сыпал в воду.

– Что он делает, дядя?

– Сыплет куриную желчь.

– Зачем?

– Здесь быстрая вода, в такой обитает множество опасных для живых существ духов. Мы сидим на возу, и нам ничего не сделается, а лошади через день-другой могут пасть – вот и приходится их отгонять, этих духов.

Слуга продолжал сыпать в речку желтоватый порошок, а Питер уже другими глазами посмотрел на взбаламученную лошадьми воду – теперь он видел в ней неясные пугающие образы.

Вдоль другого берега речушки разъезжал верхом Рудвар. Иногда он придерживал коня и рассматривал что-то на мягкой глине.

Поскольку выезд из балки оказался достаточно крут, все десять пеших охранников помогали лошадям, выкатывая наверх по одному возу. Последней паре телег еще только предстояло преодолеть водную преграду, и возницы ждали, когда на другой стороне освободится место.

– Давай! – крикнул им Ниман, первый погонщик взмахнул кнутом, и телега двинулась к противоположному берегу, однако неожиданно лошади захрапели и начали шараться в стороны, грозя перевернуть телегу.

Рудвар погнал коня в воду, поднялась паника, речку взбаламутили, но общими усилиями животных удалось успокоить. Выяснилась и причина их испуга – течение волокло по неглубокому дну труп.

Захлестнув его бичом за ногу, Рудвар выволок находку на берег.

Ломовые лошади храпели и дико косили глазами – пришлось побыстрее выводить их из балки, привычные ко всему мардиганцы только перебирали ногами.

– Кто это? – спросил Нух Земанис, подходя ближе. Питер из-за его плеча смотрел во все глаза, он еще ни разу не видел утопленников.

– Пару дней назад был еще жив. Белье дорогое – значит, человек не бедный был.

Перевернув тело сапогом, Рудвар обнаружил торчавшую из его спины обломанную стрелу. Выдернув ее, он ополоснул наконечник в воде и показал зазубренное, словно рыбий зуб, жало.

– Карсаматы... – сказал один из пеших охранников, и его слова прозвучали пугающе.

8

С этого момента условия изменились. Двадцать всадников Рудвара были поделены на пятерки, они поочередно уносились то влево, то вправо от дороги, проезжали пару миль и возвращались, чтобы доложить, что все спокойно или об увиденных следах. Судя по этим следам, в округе хозяйничали небольшие отряды карсаматов – по десять-двадцать всадников. То, что это были именно они, сомневаться не приходилось: на подковах их лошадей имелись отличительные знаки в виде цветка степной колючки.

Ночи стали настоящим испытанием, возы приходилось ставить кругом – на случай атаки, люди почти не спали, вслушиваясь в шорохи и держа наготове оружие.

Питер просил, чтобы ему тоже дали меч, но дядя снова вмешался, сказав, что это не их дело.

– Будь спокоен, Рудвар знает свое дело, однажды при Импаке он самолично зарубил двенадцать берберов.

– В прошлый раз, дядя, вы говорили, что берберов было восемь.

– Это не имеет значения, главное – Рудвар надежный человек, а в округе не сыщется и двух десятков карсаматов, те же, кто есть, – лишь трусливые дезертиры.

Прошла очередная беспокойная ночь, и, едва рассвело, Рудвар отправился на разведку. Вскоре он вернулся с хорошей новостью – следы на дорогах попадались только старые.

Времени решили не терять и позавтракать на ходу брынзой, хлебом и водой. Питеру достался вкусный сыр и мутное пиво.

Сначала было страшно, даже дядя забыл про свои нравоучения и настороженно смотрел по сторонам, но когда солнце прогрело воздух и охранники перестали метаться вдоль обоза, все повеселели.

– Видишь, Питер, опасности подстерегают всякого, но лишь тот сумеет их одолеть, кто подготовился к ним надлежащим образом...

Дядя вновь сел на любимого конька и собирался прочесть племяннику очередную лекцию, однако послышался треск кустарника и с правой обочины на дорогу вылетели около десятка всадников. Они с ходу сшибли одного из конных охранников и понеслись прямо к возу Нуха Земаниса. Казалось, ничто не сможет помешать им изрубить купца и его племянника, а затем заняться разграблением обоза, но вот щелкнул арбалет, затем второй, и двое нападавших вылетели из седел.

Еще одного достал мечом с воза охранник – брызнула кровь, и голова отделилась от туловища.

Откуда-то с обочины выскочил на лошади Рудвар и, заслонив собой хозяина, принял бой. Зазвучали мечи, закричали раненые, лошади вставали на дыбы, люди прыгали с возов на всадников.

Это был не единственный очаг битвы, в кустарнике, откуда так вовремя появился Рудвар, Ниман вел бой с еще одной группой грабителей.

Вскоре подтянулись все тридцать охранников, и враг, понеся большие потери, был с позором изгнан. Как только Нух Земанис понял это, он соскочил с воза и помчался вдоль телег, чтобы оценить возможные убытки.

Питер остался на месте, возница, заикаясь от пережитого, пытался ему что-то сказать, но хозяйский племянник его не слышал. Он никак не мог отделаться от этой ужасной картины, когда, разбрызгивая кровь, в воздухе вертелась срубленная голова. Да, это был враг, угрожавший им с дядей смертью, но все же его было жалко.

– Кажется, все благополучно! – выпалил дядя, взбираясь на воз и утирая пот. – Ничего нигде не продырявлено, полога целые, только помяли кое-где.

Подъехал Рудвар, он выглядел спокойным, только его доспехи были забрызганы кровью.

– Мы потеряли двоих человек, ваша милость.

– Кого же?

– Один наш – Зефус, второй индзорский.

– Что ж... – Купец развел руками. – Вероятно, их нужно похоронить?

– Это не займет много времени.

– Тогда поторопитесь, а родным Зефуса я выдам его жалованье, хотя он и не дожил до конца месяца. Да что там месячное – я выдам им двухмесячное жалованье!..

Рудвар повернул коня и поскакал туда, где после битвы разбирали тела – своих и чужих.

– Еще легко отделались, – сказал дядя, промокнув лоб скомканным платком. Он испытывал облегчение от того, что с дорогостоящим товаром ничего не случилось.

9

Своих погибших закопали быстро, чужих бросили на обочине вместе с оружием, их лошади разбежались.

Обоз тронулся, и Питер перевел дух. Только сейчас он вспомнил про свой кинжал – во время нападения его обуял такой страх, что об обороне не могло быть и речи.

Теперь рядом с возом ехали Ниман и еще двое конных охранников из Гудбурга. Помимо мечей с ними были заряженные арбалеты, а на следующей телеге сидел лучник – один из набранных в Индзоре.

– Сиди здесь, Питер, я пробежусь вдоль обоза – мне кажется, вон там, – Земанис махнул рукой вперед, – обвязка ослабла. Если товар вывалится, не будет времени его собирать, сам видишь, что происходит...

Когда дядя убежал, Питер решил расспросить охранников, что они думают о нападении:

– Они больше не вернуться, Ниман?

– Трудно сказать, ваша милость. – Помощник Рудвара оглянулся. – Вообще-то просто так они не отвязываются.

– Но вы ведь набили их полдюжины! Вы победили их!

– Это была только разведка, ваша милость, кто знает, сколько их здесь.

На дереве каркнула ворона, и Питер вздрогнул. Лошади продолжали монотонно кивать головами, волоча нагруженные телеги.

Вернулся дядя:

– Все в порядке, на одном возу приказал перевязать полог, а так все хорошо.

Он запрыгнул на воз и, посмотрев на угрюмого племянника, приободрил его:

– Скоро пойдет открытая местность, там эти мерзавцы не решатся напасть на нас.

Дядя оказался прав: через час кусты вдоль дороги стали редеть и совсем исчезли, уступив место сухой жесткой траве, она была здесь повсюду. Открытого пространства стало больше.

– Насколько я понял, следов копыт на дороге больше нет? – спросил Нух Земанис.

– Нет, ваша милость, – подтвердил Ниман.

– Значит, эти разбойники остались позади.

Охранник ничего не ответил.

Подъехал Рудвар, его конь тяжело поводил боками – приходилось носиться вдоль обоза, из конца в конец.

– Как наши дела, мы оторвались от них? – спросил Земанис.

– Боюсь, что нет. – Начальник охраны вздохнул и показал бичом вправо от дороги. – Это их тропа – они прошли по ней час назад.

– И сколько же их было?

– Я полагаю, не меньше полусотни.

Нух Земанис замолчал – он выглядел растерянным.

– Но ведь повернуть мы уже не можем!

– Не можем, хозяин, об этом никто не говорит, до Пешехара осталось три дня пути, авось пробьемся.

– Пробьемся, непременно пробьемся!

Они ехали еще около получаса, пока впереди не показалась большая роща, через которую шла дорога.

– Ниман, поезжай туда и заберись на дерево – так, чтобы мы тебя видели. Если увидишь сверху засаду или всадников на дороге, махнешь нам рукой, понял?

– Конечно, понял.

Обоз остановился, и только Ниман поскакал вперед.

Не теряя времени, Рудвар стал раздавать распоряжения на случай, если его помощник подаст сигнал о приближении врага.

Питеру с высоты воза было хорошо видно скачущего всадника. Вот Ниман исчез в зарослях, потом появился уже без лошади и стал взбираться на кряжистый дуб. Заняв удобное положение, он остался стоять на толстой ветке, прижавшись к стволу и глядя вперед, на дорогу. Никаких сигналов он не подавал, и Рудвар приказал двигаться дальше.

– Ну вот, кажется, обошлось, – в который уже раз произнес Нух Земанис.

10

Не обнаружив никакой опасности, обоз въехал в рощу. Она оказалась большой, а деревья в ней – высокими.

Светило солнце, ветра не было, но птицы не пели, как будто их здесь не было вовсе. Скрип колес и звон упряжи отдавались тревожным эхом, однако люди в обозе себя успокаивали – сверху их прикрывал дозорный Ниман.

И вдруг в одно мгновение все переменялось, роща будто ожила, и между деревьев замелькали всадники.

Карсаматы появились как из-под земли, их обученные лошади умели лежать и быстро подниматься, когда следовало идти в атаку.

– К оружию! Занять оборону! – прокричал Рудвар, однако было очевидно, что уже поздно. Нападавших оказалось не менее полутора сотен, с сорока ярдов они начали стрелять из луков, и в воздухе запели десятки стрел. Те со стуком впивались в борта обозов и валили людей наземь.

В ответ защелкали арбалеты, несколько карсаматов полетели кубарем в траву, однако остальные, подбадривая себя криками, в следующее мгновение сошлись с защитниками обоза в рукопашной схватке.

Заметив богатые одежды купца, к нему поскакали пятеро всадников. Первому из них не повезло, его срубил рослый охранник из Гудбурга, однако пока он отражал нападение остальных, стрела с белым оперением вонзилась ему в шею.

Другой охранник увернулся от посланной в него стрелы, но был заколот подоспевшими карсаматами.

Один разбойник на скаку вспорол полог телеги и ловко выдернул штуку шелка.

– Прочь, грабители! Оставь, это не твое! – закричал Нух Земанис, вмиг выйдя из состояния отупения. Его ударили мечом плашмя, и купец упал в пыль, под ноги пляшущих лошадей. Вслед за дядей сдернули Питера, он слетел вниз головой, и его нарядную кипу подхватил прямо с земли один из карсаматов.

Возница забился под телегу в надежде, что его не заметят, однако разбойники выволокли беднягу и стали избивать, валяя в пыли. Питера и Нуха Земаниса, напротив, подняли, чтобы проще было срывать одежду.

Нарядные сюртуки и жилетки были сняты в одно мгновение, даже белье и то, схвативши за ворот, разбойники разорвали, поделив эти тряпки и попрятав в седельные сумки.

Соппротивление еще продолжалось, горстка охранников под предводительством Рудвара упорно пробивалась к хозяину. В этом не было уже никакого смысла, однако начальник охраны действовал с упорством преданного сторожевого пса.

Получив множество ран, он продолжал сносить тяжелым мечом одного противника за другим. Вот он уже с последним помощником, а вот совсем один. Стрелы лязгали по его кирасе, ломались или уходили в рикошет, старый служака был будто заговорен, но, не дойдя всего пары шагов до раздетых и избитых Питера и Нуха Земаниса, Рудвар получил удар мечом и упал как подкошенный. Это послужило сигналом, и разбойники бросились вспарывать на возах полога и разбрасывать товар.

– Что вы делаете! – снова завопил Нух Земанис и, схватив ближайшего из карсаматов за ворот, стал трясти его что есть силы. Кочевник оттолкнул безумного купца, выхватил кривой меч и точным ударом срубил ему голову.

Питер видел это и не видел, он отказывался верить в то, чему оказался свидетелем, все поплыло перед его глазами, и он бессильно опустил на дорогу.

11

Ссадины на теле горели огнем, по щеке из рассеченной брови стекала кровь. Питеру казалось, что мир вокруг него закончился. Роющиеся в грудах растерзанного товара кочевники виделись ему крысами, дерущимися над останками павшего животного.

Внезапно их визг и рычание прекратились. Вдоль разграбленного обоза ехал всадник, выражение лица которого и богатая одежда говорили о том, что он не относится к беспокойному племени простых карсаматов.

Рядовые разбойники с опаской посматривали на этого властного человека, те, кто успел что-то схватить, бросили добычу на землю.

Воспользовавшись этой заминкой, израненный Рудвар поднялся на ноги и из последних сил стал наносить удары опешившим врагам.

– Беги, Питер! Беги!

Этот приказ не отрезвил мальчишку, однако пробудил в нем желание спастись. Вскочив, он рванулся в лес, не чувствуя под ногами колючек и не до конца понимая, куда бежит. Продравшись сквозь густой кустарник, Питер свалился в песчаный овраг и, лишь ощутив под ногами влагу, перевел дух и огляделся.

С обеих сторон возвышались крутые, оплетенные корнями обрывистые берега. О том, чтобы быстро выбраться, не могло быть и речи, а погоня, должно быть, шла уже по пятам.

Разглядев меж свисавшими корнями углубление в обрыве, Питер решил, что пока сгодится и такое убежище.

Тем временем предводитель карсаматов со скукой наблюдал за тем, как его соплеменники добивают ожившего вдруг гуира. На этот раз для верности ему отсекли голову, и двое кочевников поднесли ее предводителю на щите.

Посмотрев на закрытые глаза, залитую кровью черную бороду и множество старых шрамов, предводитель произнес:

– Славный был солдат, похороните его вместе с головой – он этого заслужил.

– А что делать с купцом, эрмай Теллир?

– Хорошо бы бросить его шакалам, но мы не должны оставлять на дороге следов. – Теллир обернулся и позвал: – Арнух!

От сваленных в кучу трупов поднялась сторбленная фигура и странной походкой, словно на носочках, зарысила к хозяину.

Это был эртадонт – существо из сумеречного мира. Теллир купил его у эберийского колдуна, отдав взамен пятнадцать девственниц для жертвенных ритуалов. Арнух был верен, как собака, ему требовалась свежая кровь, а там, где проходил Теллир, ее всегда хватало. Вот и сейчас, когда хозяин оторвал эртадонта от пиршества, волчья пасть и когти существа были окрашены кровью.

– Найди мальчишку, Арнух, он убежал в лес.

Эртадонт зарычал и недовольно потряс головой. Запряженные в возы лошади испуганно заржали и попытались вырваться из упряжи, карсаматам стоило труда удержать их.

– Знаю, что ты еще не насытился, но мальчишку нужно вернуть – мне дорог каждый пленник, эти ослы и так всех перебили. Вперед, Арнух, найди его, и тогда сможешь продолжить...

Чудовище еще раз встряхнуло головой и, легко перемахнув через воз, побежало в лес.

– Вы трое – идите за ним! – приказал Теллир, и карсаматы с опаской последовали за Арнухом.

Питер стоял под навесом из сплетенных корней, и в голове его носились обрывки бес-
связных мыслей. Он был слишком потрясен, чтобы принимать какие-то решения.

Под ногами проскользнула черная змейка, но Питер ее не заметил. Его тело сотрясала
мелкая дрожь, ноги подгибались от усталости, хотелось проснуться, чтобы увидеть в окне
солнце и посмеяться над ночными страхами, однако ночь и не думала заканчиваться.

Послышался шорох осыпавшегося песка, потом тяжелые шаги. Питер затаил дыхание.
Откуда-то потянуло падалью, да так сильно, что он почувствовал приступ тошноты.

Совсем рядом раздался низкий утробный рык, и в убежище Питера заглянула страшная
рожа. Обнажив клыки, чудовище ударило по сплетенным корням когтистой лапой.

«Ну и ладно, скорей бы уж...» – смирился Питер, ожидая жгучего удара когтями-лезви-
ями.

– Пошел! Пошел, тебе говорят!

– Уходи, хватит! – закричали рядом на два голоса. Чудовище взревело и резко поверну-
лось, чтобы отогнать назойливых карсаматов, однако они знали, что с ними будет, если эрта-
донт сожрет пленника. Наконечники трех копий были нацелены в морду чудовищу, и оно было
вынуждено отступить. Какой смысл драться, если на дороге десятки растерзанных трупов?
Монстр подпрыгнул и по корневищам выбрался из оврага.

– Эй ты, выходи скорее, знаешь! – приказал Питеру один из воинов, но тот отрицательно
замотал головой, забиваясь в глубь пещеры.

– Выходи, дурак-собака, если этот вернется – тебе несдобровать, знаешь! – крикнул вто-
рой.

– Выходи, знаешь! Все равно вытащим!

Питер понял, что упрямиться бессмысленно, и выбрался наружу.

12

Его привели на дорогу. Все товары, что были сброшены на землю, карсаматы вернули на возы и увязали как могли. Трупы оттащили в рощу – подальше от дороги.

Питера подвели к Теллиру. Тот посмотрел на дрожащего подростка, размышляя, тащить ли его с собой или убить прямо здесь – уж больно он был тщедушен и мог не выдержать дороги.

– Где его одежда?

Карсаматы переглянулись, боясь отвечать.

– Снимите одежду с убитых, нужно его одеть.

Воины бросились исполнять приказ и притащили перемазанный в крови кафтан, такие же штаны и башмаки, в которых хлюпала кровь. Впрочем, Питер не обратил на это внимания – ему приказали одеться, и он оделся. Потом его присоединили к группе уцелевших пленников – всего их набралось двенадцать.

– Все! Трогай! – крикнул Теллир, и занявшие места возниц карсаматы стали подгонять лошадей гортанными выкриками.

Как проехал обоз, погнажи пленников. Их охраняли четверо конных воинов с длинными пиками, которыми они кололи всякого, кто, забываясь, выходил на обочину дороги.

Поначалу от всех этих потрясений Питер не мог осмыслить происходящего, но от ходьбы стал приходить в себя.

Теперь он видел, что идет среди таких же, как он, избитых и оборванных людей, а рядом, неприязненно поглядывая на гуиров, едут карсаматские всадники.

Когда выходили из рощи, Питер посмотрел туда, где на толстой ветке должен был находиться Ниман, забравшийся туда для предупреждения о приближении врагов. Он и сейчас был там, намертво приколотый к стволу тремя стрелами.

Питер пошевелил плечами. Выданный ему кафтан оказался велик, но это не мешало, даже наоборот – в него можно было закутаться, когда наступит ночная прохлада. Штаны спадали, их то и дело приходилось подхватывать, но и с этим можно было смириться, а вот великоватые башмаки натирали ноги. Питер привык к обуви из мягкой кожи, а не к этим колодкам, он уже начинал прихрамывать.

«Если будут гнать до самого Пешехара, я сотру ноги в кровь, и меня прирежут», – догадался он. Конвоиры выглядели неприветливо, и просить их о чем-то было страшно, однако купеческий расчет подсказывал Питеру, что раз самый главный разбойник приказал его одеть, значит, он хоть чего-то стоит.

Решив все же рискнуть, Питер стал перемещаться на край дороги, понемногу тесня товарищей по несчастью. Одни с удивлением, другие с неудовольствием пропускали его и продолжали идти, угрюмо глядя под ноги.

– Прошу прощения, ваша милость, – обратился Питер к ближайшему конвою.

– Назад, пошел назад, дурак-собака, знаешь! – Всадник взмахнул плетью и ударил Питера через спину, попутно досталось кому-то еще.

– Не зли их, щенок, нас же всех из-за тебя перебьют! – зашипели на него.

– У меня стерты ноги, ваша милость! – не сдавался Питер, обращаясь все к тому же конвою. – Я не уйду с дороги – я только прошу меня выслушать.

– Какое мне дело, дурак-собака! Можешь хоть подохнуть тут, знаешь! – ответил карсаматский воин и плюнул в наглого пленника.

– Боюсь, это не понравится вашему хозяину! – ввернул Питер, ожидая нового всплеска злобы и, возможно, побоев, однако конвоир задумался. Он обменялся несколькими фразами на своем языке с другими карсаматами и пришел к какому-то решению.

– Эй ты! – Конвоир ткнул плетью одного из людей, нанятых в Индзоре. – Ты ведь солдат, знаешь?

– Солдат, – кивнул тот.

Конвоир выдернул из седельной сумки чью-то окровавленную рубашку и бросил ее наемнику.

– Возьми, знаешь, сделай мальчишке обмотки, чтобы башмаки сидели хорошо.

– На ходу?

– Стой! – скомандовал конвоир, и пленники остановились. – Давай скорее, знаешь, времени мало.

Солдат умело разорвал рубашку, велел Питеру снять башмаки и затем ловко замотал ему ноги половинками рубашки – получилось что-то вроде толстых носков.

– Одевай.

Питер обулся, было очень хорошо и удобно.

– Спасибо, ваша милость.

– Не за что. Запомнил, как я мотал?

– Старался, но, боюсь, у меня так не получится.

– Ничего, как остановимся на ночлег, покажу еще раз.

Вместе с Питером остановкой воспользовались и другие пленники. Кто-то порвал на обмотки свою рубашку, другим бросили какое-то тряпье конвоиры.

Заметив остановку, подъехал самый главный разбойник, Питер стал с интересом его разглядывать.

– Что случилось? – строго спросил он. – Почему встали?

– Это я остановил их, эрмай Теллир. Эти неумехи, знаешь, уже стерли ноги, я отдал им несколько рубашек, чтобы сделали себе обмотки, – вам ведь нужны здоровые пленники?

Сказав это, инициативный карсамат замер, ожидая решения Теллира: оно могло оказаться каким угодно.

– Ты правильно сделал, они должны дойти до Датцуна.

Поймав на себе взгляд мальчишки, Теллир ударил его плетью, но не сильно – чтобы не покалечить. Невольник упал и закрыл голову руками.

– Не смей смотреть на меня, червь, – прошипел Теллир и, дав лошади шпоры, поскакал в голову обоза.

Словно его страшная тень, мимо промчалось чудовище, что едва не сожрало Питера в овраге. Эртадонт подпрыгивал на бегу и постоянно нюхал воздух, иногда срывался и уносился куда-то к горизонту, но стоило хозяину позвать его – чудовище было тут как тут.

13

Когда главный разбойник ускакал, охранник из Индзора помог Питеру подняться.

– Пошли, пошли вперед, знаешь! Отдых кончился, дурак-собака! – стали подгонять конвоиры.

Питер дотронулся до головы – из небольшого рубца от кнута сочилась кровь, к тому же вздулась шишка.

– Он пожалел тебя, – негромко сказал бывший охранник.

– Почему вы так решили?

– Зови меня Эрик.

– Почему ты так решил, Эрик?

– Мы ему нужны, ты ведь сам об этом догадался.

– Да, догадался. Только почему нас все время бьют?

– Чтобы мы их слушались. Зато как доберемся в Датцун, пару дней нас будут кормить как скот на убой.

– Зачем?

– Чтобы подороже продать.

– А нас будут продавать?

– А зачем, ты думаешь, нас оставили в живых? – Эрик усмехнулся. – Ради красивых глаз?

– Мы станем рабами?

– Это лучше, чем смерть.

Питер кивнул. От удара плетью гудела голова. Он дотронулся до места удара и посмотрел на ладонь.

– Кровь – это не страшно, – успокоил его Эрик. – Кровь сейчас остановится, и шишки не будет.

Они шли еще часа три, и ничего вокруг не менялось: все те же рощи, холмы, жесткие травы. Когда солнце прошло полуденную отметку, обоз неожиданно остановился в одной из небольших рощиц с кривыми рахитичными деревьями.

Пользуясь случаем, пленники сели отдыхать, кто-то заговорил о еде. Питер подумал, что закусить было бы не лишним, но особенно ему хотелось пить.

Они ждали не слишком долго, послышался стук копыт, и к пленникам подъехал сначала Теллир, а затем еще один всадник. Ломая ветки, подобрался эртадонт и встал поодаль, роняя из пасти клейкую слюну.

Наученный горьким опытом, Питер не поднимал на Теллира глаз, однако, заметив герб на седле, невольно поднял глаза на второго всадника. Это был офицер императорской армии! Это было спасение!

– Сэр! Сэр, спасите меня, я Питер Фонтен – племянник Нуха Земаниса, купца из Гудбурга! Спасите меня, сэр, я заплачу вам – мой дядя очень богат!

Офицер брезгливо отмахнулся, и его лошадь попятилась. Теллир в этот раз не стал наказывать бестолкового пленника лично.

– Дайте ему двадцать плетей, но так, чтобы он мог идти! – приказал он и поехал прочь. Конвоиры кинулись исполнять приказ.

Несмотря на сопротивление, Питера повалили на землю, задрали кафтан и стали бить по спине плетями. Пленник крепился, но на пятнадцатом ударе потерял сознание и не видел, как Эрик оттолкнул конвоира, чтобы тот в горячке не забил мальчишку.

– Уйди, шакал, убью! – заорал конвоир, выхватывая кривой меч.

– Твой эрмай сказал, что он должен ходить, а ты его забьешь до смерти!

Карсамат выругался, но отступил и взобрался в седло.

Питер пришел в себя, и ему помогли подняться.

– У меня... спина... огнем горит...

– Да уж, парень, напросился ты.

Обоз снова тронулся, и за ним двинулись пленники. Поначалу Питера поддерживали, но потом он пошел сам.

Примерно через час, спустившись в низину, обоз остановился у лесного озера. Карсаматы стали поить лошадей, в том числе и ломовых. Потом подвели к воде пленников. Попив воды, Питер почувствовал, что начинает замерзать, даже ссадины на спине перестали гореть.

– Я мерзну, Эрик, – удивленно произнес он.

– После плетей такое бывает, но тебе досталось не так сильно – в дороге все пройдет.

– Эй вы, пойдём рубить чакан! – Конвойр подошел к пленникам и выбрал двоих.

– Куда это они? – спросил Питер.

– Думаю, нас кормить собираются.

– Чем?

– Сейчас увидишь.

Выбранных пленников конвойр подвел к густым зарослям какого-то камыша и, дав одному из них нож, приказал срезать толстые стебли. Второму были велено принимать пучки и укладывать на траву.

Набрав две огромные вязанки, работники принесли их к остальным и разделили на всех. Питеру досталось пять толстых стеблей.

– Смотри, как это делается.

Эрик стал снимать со стебля слой за слоем, пока не осталась молочно-белая сердцевина в палец толщиной, длиной в фут, по вкусу она напоминала что-то среднее между каштаном и капустным листом. Привередничать не приходилось, и Питер с удовольствием сжевал все пять выделенных ему стеблей, сразу почувствовав прилив сил.

Обоз начал движение, пленников погнали дальше.

– Ты видел, Эрик, это был офицер императорской армии!

– Что тебя удивляет?

– Но ведь он должен был арестовать этих разбойников! Однажды в Гудбурге поймали главного городского вора, он был настолько важен, что за ним приезжал большой конвой из императорских солдат и одного офицера, мундир на офицере был точно такой. Я был уверен, что он мне поможет!

– Да заткнитесь вы! – зашипел один из пленников. – Мало тебя учили, щенок? Опять треплешься?

– Ладно тебе, Биркамп, – осадил его Эрик. – Мальчишка еще жизни не видел, все за него решал дядя, а теперь он остался один.

– Ну и нянькайся с ним сам, а другим неудобства не доставляйте! – Биркамп покосился на ехавшего по обочине всадника. – И так в дерьме по уши...

С севера подул ветер, он подгонял идущих на юг пленников, как будто хотел поскорее от них избавиться. Местность постоянно менялась – пустоши чередовались с кустарником и редкими рощами, встречного транспорта или путников не попадалось.

Один раз миновали заброшенный с прошлого года шалаш, еще попался опорный форт императорских солдат, державших под контролем торговые пути. Теперь здесь никого не было. Поднимаясь на носки, Питер пытался заглянуть в пустые бойницы.

– Еще рано, никого здесь нет, – сказал Эрик.

– Откуда же тогда офицер взялся?

– Не знаю, – пожал плечами Эрик. – Наверно, у него здесь дополнительный заработок.

– Я его запомнил, я его хорошо запомнил, – со мстительными нотками произнес Питер.

– Молчи об этом, а то и до беды недалеко.

На ночлег отряд карсаматов остановился, когда сгустились сумерки. Место выбрали между двумя холмами, под защитой молодых дубков. Один из конвоиров принес толстую веревку и начал по очереди вязать всем пленникам ноги. Он быстро вертел хитрые петли, и невольникам оставалось только совать в них ноги, потом следовал резкий рывок – и вязалась петля для следующего.

Когда затягивали ноги Питеру, он вскрикнул от боли, и конвоир довольно засмеялся.

– А как же нам теперь по нужде? – обратился к нему подросток.

– Вставай и делай, дурак-собака, чего спрашиваешь?

– Ты уж тогда ссы подальше, – пригрозил Биркамп. – Нальешь на меня – башку отверну...

– Заткнулся бы ты, – предложил ему Эрик. – Что-то я слишком часто стал тебя слышать.

– А что ты мне можешь сделать, лягушка индзорская, твоих дружков здесь больше нету.

– Ладно, Биркамп, – вдруг сменил тон Эрик. – Ты погорячился, я погорячился – извини.

– Да ладно. – Здоровяк отвернулся, поудобнее устраиваясь на земле, и быстро уснул, сотрясая землю своим храпом.

14

Карсаматы расположились чуть выше пленников, разожгли на склоне костер, чтобы при свете лучше их видеть. Дозорных поставили на вершине холма, правда, было непонятно, что они там в темноте могут разглядеть.

Несмотря на неудобство и отсутствие привычки ночевать на голой земле, Питер спал хорошо, лишь изредка вываливаясь из сновидений, когда перекликались часовые или рядом проходил Теллир.

К утру стал мерзнуть, однако великоватый, с чужого плеча кафтан очень помог, им удалось обернуться почти дважды.

– Вставай! Вставай, знаешь, дурак-собака! – стали кричать охранники, когда еще не рассвело. Питеру как раз снился страшный сон, будто великан в два человеческих роста поймал его за ноги и, держа вниз головой, сильно встряхивает, что-то при этом крича. Питер пытался вырваться, но у него ничего не получалось, а проснувшись, обнаружил, что самый злой из конвоиров дергает веревку, на которую были нанизаны пленники, и кричит:

– Вставайте! Вставайте, шакалы-собаки, знаешь!

Когда ему надоело это развлечение, он швырнул конец веревки на землю и потребовал, чтобы пленники распутывались сами.

Питер не был знаком с кочевыми узлами, и у него ничего не вышло, но Эрик быстро развязал петли на своих ногах и помог Питеру.

– Где можно отлить, ваша милость? – спросил кто-то из пленников.

– Отливай в штаны, знаешь! – ответил конвоир, и все карсаматы дружно рассмеялись, потряхивая нечесаными головами.

Пока кочевники ловили спутанных лошадей, пленники дружно справляли нужду.

Питер осторожно повел плечами. Под утро опустился туман, и вся одежда оказалась сырой от росы, непривычные к ходьбе ноги болели, а исполосованная плетью спина саднила. Тем не менее он чувствовал в голове ясность и понимал, с кем, куда и зачем идет, – он трезво осознавал свое положение и был благодарен помогавшему ему Эрику.

– Не простудился? – спросил тот. – В дороге это самое дрянное.

– Нет, даже сам удивляюсь.

– Пошли, знаешь, шакал-собака! – закричал один из конвоиров, взмахивая для острастки плетью.

Пленники двинулись по склону к дороге, где стоял ночевавший здесь обоз. Ломовые лошадки как ни в чем не бывало встряхивали длинными гривами, им было все равно, кто теперь их хозяин.

Обоз тронулся, и следом за ним погнались пленных.

Пока взошло солнце, мимо неоднократно проезжал Теллир. Питер старался не смотреть в его сторону, но чувствовал на себе тяжелый взгляд хозяина.

Еще до обеда они вышли к развилке. К удивлению Питера, обоз продолжил движение на юг, а Теллир и конвоиры с пленниками свернули налево.

Получив от хозяина какую-то команду, эртадонт унесся в сторону большой рощи и больше не появлялся.

– Куда это мы? – негромко спросил Питер.

– В Датцун, невольничий рай, – ответил Эрик.

– А обоз?

– Обоз пойдет в Пешехар, как и планировал твой дядя, там за товар дадут самую большую цену.

- Сволочи...
- Ругайся не ругайся – ничего уже не сделаешь.
- А каково быть рабом? – спросил Питер после небольшой паузы.
- Ты что, ни разу рабов не видел?
- Не видел, наш герцог не велит торговать людьми.
- Ах, ну да – ты же из Гудбурга. Ну в общем... это зависит от того, к какому попадешь хозяину. Бывает, что рабы живут не хуже вольных, а бывает, что и месяца не вытягивают.
- Да ты что? – ужаснулся Питер.
- Именно поэтому главное – приглянуться хозяину.
- А что для этого нужно делать?
- Хорошо выполнять положенную работу.
- Но я ничего не умею делать – у дяди было много слуг!
- Значит, будешь учиться... Только ты не думай сейчас об этом, голову сломаешь, а толку
- чуть. Может, тебе повезет и попадутся хорошие люди, выкупят тебя и сразу дадут волю.
- Такое бывает? – Глаза Питера засветились надеждой.
- Люди рассказывают, значит, бывает. Придет на торги какой-нибудь блаженный богач, купит десяток невольников да и даст им вольную, чтобы поминали его добрым словом.
- Эх, хорошо бы...
- Питер надолго замолчал.
- Брешет он тебе, а ты уши развесил, – вмешался угрюмый Биркамп. – Рядом с Датцуном море, значит, все попадем на галеры.
- Будет тебе про галеры-то! – раздался сзади недовольный голос. – Накаркаешь еще, тупая башка.
- Чего ты сказал? – обернулся Биркамп.
- А то и сказал – тебе хочется на галеры, ну так и поезжай, а другим, может, пожить еще охота.
- Эй вы, перестань орать, знаешь! – крикнул охранник. Свистнула плеть, и на голову Биркампа обрушился удар. Тот взвыл и, поскольку не мог ответить конвоиру, бросился на собрата по несчастью – суховатого пожилого наемника из Индзора. Несмотря на разницу в весе, завязалась драка, конвоиры заработали плетями, полосуюя всех подряд, пленники расступились, и на земле остались только молотящие друг друга соперники.
- Если сейчас же не подниметесь, лично отрежу вам головы... – прозвучал властный голос Теллира. Драчуны вскочили и испуганно уставились на хозяина.
- Питер осторожно скосил глаза и увидел красивого, невиданной светлой масти коня, сапоги с золотой вышивкой и острые шпоры – так близко Теллир к нему еще не подъезжал.
- Еще подобное затеете, зарежу!
- Сказав это, Теллир развернул коня и поехал по дороге.
- Вперед, гуирские свиньи!
- Вперед, шакал-собака, знаешь! – заорали конвоиры, подгоняя пленников.

15

Дорога до Датцуна заняла еще трое суток, и последние из них оказались самыми трудными, поскольку идти пришлось через Савойскую пустыню. Вокруг были только известковые скалы и белая глина, дорога вилась между провалами в потрескавшейся земляной корке, здесь не росли даже колючки, сопутствовавшие пленникам последнее время.

Не летали птицы, не ползали змеи и даже муравьи, а накануне у солоноватого ручья их предупредили, что воды не будет целые сутки. Пришлось напиваться впрок. Там же, у ручья, дали по две пригоршни сероватой муки. Питер был голоден и хотел быстро проглотить ее с водой, но Эрик остановил его.

– Так нельзя, – сказал он.

– А как надо? – Питер уже знал, что советами Эрика пренебрегать не следует.

– Для начала нужно собрать сухой травы.

И, отдав на сохранение Питеру завернутую в лопух порцию муки, Эрик быстро собрал пучок сухой осоки. Потом размочил ее в воде и принялся измельчать руками. Еще раз перетерев с водой, разделил траву на две части и одну передал Питеру.

– Разведи свою муку водой, чтобы получилось тесто, а потом все это смешай с травой.

– И что потом?

– Потом это можно съесть.

Питер сделал как велел Эрик и принялся поедать порцию. Еды стало больше, он почувствовал, что наполнил живот.

– Ну и зачем нужно было все перемешивать? Чтобы наесться?

– И это тоже, но сырая мука – тяжелая еда, в дороге может неправильно в брюхе лечь, станет разливать желчь, икота замучает.

– Ты так много знаешь, Эрик. Откуда это?

– Из жизни, мне пришлось через многое пройти, прежде чем я стал наниматься в охранники.

– А кем ты был раньше?

– Наемничал.

– Воевал за деньги?

– Да.

– А кем был до этого?

– Вором.

– Вором? – удивился Питер. – Ты таскал из карманов кошельки?

– Нет, у нас была шайка, и мы грабили тех, кто выезжал из города, подстерегая их в полумиле от крепостной стены. Мне тогда было столько же лет, сколько тебе.

– Почему же ты пошел в вору? Что на это сказали твои родители?

Эрик грустно улыбнулся.

– Мать я не помню, а отец всегда пил, опускаясь все ниже. Была старшая сестра, но, уехав на заработки, так и не вернулась. Либо совсем сгинула, либо тянет где-то невольничью лямку.

– А что было потом?

– Потом на нас сделали засаду люди тамошнего барона, связали и вывезли в лес, где всех, кроме меня, повесили. Мне дали шанс, поскольку я оказался самым молодым, сказали – вот тебе полчаса, а потом мы с собаками идем по следу, сумеешь оторваться – будешь жить, не сумеешь – повесим рядом с дружками.

– И как же ты?

– Там был большой пруд, я забрался в самую тину и укрылся среди зарослей камыша. Там и просидел три дня, пока меня искали. Когда охотники пытались прочесывать заросли, погружался под воду и дышал через камышинку.

– А чем же ты питался?

– Чаканом.

– Теперь понятно, откуда ты так здорово умеешь его чистить.

– Да уж, наловчился.

– А скажи, Эрик, тебя секли?

– О, много раз!

– А где же?

– На военной службе. Там наказывают за всякую провинность, бичами, розгами, плетью.

– И все это ты испытал на себе?

– Пришлось, приятель. Но и ты неплохо начал.

– Да уж. – Питер пошевелил плечами, и ободранная спина отозвалась жгучей болью.

Питер вспоминал этот разговор, когда они уже плелись по Савойской пустыне. Конвоиры то и дело прикладывались к бурдюкам с водой и обильно потели, давали слизнуть влагу с ладони лошадям, иногда смачивая им головы между ушей, а изнывающим от жажды и жары невольникам оставалось только терпеть.

Очень кстати по дороге попала одинокая скала, и Теллир разрешил передохнуть в ее тени.

– Хорошо идем, – сказал Эрик, когда они с Питером опустились у прохладной стены.

– Что значит хорошо? – Питер с трудом переводил дыхание, казалось, что язык присох к небу. Панамы, которые невольники соорудили из речных лопухов, высохли и рассыпались, приходилось защищать голову чем попало – многие рвали рубахи.

– Никто не умер, обычно пятая часть остается на дороге, а у нас нет даже больных.

– Это потому, что хозяину деньги нужны и он не велит нас бить, – пояснил кто-то.

– Нас всего-то дюжина, – пробурчал Биркамп. – А была бы сотня, лупили бы почему зря.

16

Когда солнце стало садиться, едва передвигавшие ноги пленники наконец увидели силуэты приземистых построек. Потянуло дымом очагов, лошади конвоиров встрепенились и пошли бодрее, однако успеть к окраине Датцуна засветло не получилось, солнце село, и спустилась темнота. Тем не менее ехавший первым Теллир уверенно держал курс на огоньки масляных светильников.

– Дошли, хвала небу, – произнес кто-то.

– Эй вы, собаки-шакалы! Встать плотнее, знаешь! Если кто побежит – остальным головы срубим, знаешь! – пригрозил конвоир, однако никто сбегать в ночи не решался, ведь вокруг все еще была пустыня.

Появилось эхо от стука копыт – невольников гнали по узкой улице, ограниченной с обеих сторон высокими глинобитными заборами. Теллир остановился, слез с лошади и, подойдя к воротам, несколько раз ударил по ним кулаком.

Вначале никакого ответа не последовало, но затем послышались шаркающие шаги, ворота со скрипом отворились, и в проеме заплясал слабый огонек светильника. Теллир обменялся с незнакомцем несколькими фразами, ворота распахнулись шире, и предводитель первым вошел во двор, ведя в поводу лошадь.

– Пошли! Пошли скорее, собака-шакал! – стали кричать конвоиры, тыкая пленников в спины. Спотыкаясь в темноте, они вошли во двор, человек со светильником открыл дверь в сарай, куда и загнали невольников.

В сарае оказались сухие глиняные полы и, самое главное, царила приятная прохлада.

Дверь закрыли, но ненадолго, скоро явились двое охранников с зажженным факелом и пересчитали пленников.

– Воды бы, ваша милость, – выразил Эрик общие чаяния.

Охранник зло на него посмотрел и, выйдя из сарая, буркнул:

– Будет вам вода, собака-шакал.

И действительно, вскоре он вернулся с полным бурдюком, поставив его у двери. Все было кинулось к нему, но Эрик остановил беспорядок:

– Стойте! Будем пить по десять глотков!

– А кто ты такой, чтобы командовать? – начал злиться Биркамп.

– Я хочу, чтобы до утра дожили все и чтобы в толкучке мы не раздавили бурдюк. Я буду раздавать воду, но пить буду последним.

Все согласились с доводами Эрика, и он велел построиться у стены и на ощупь давал сосок бурдюка, а все вместе считали количество глотков.

Досыта пленники не напились, но жажду утолили все, можно было ложиться спать. Питер и Эрик выбрали место в углу и быстро заснули. Питеру снова снились великаны, а проснулся он от брани вечно злых конвоиров – требовалось встать и выходить во двор.

Потягиваясь, невольники появлялись во дворе, озираясь по сторонам. В этот день их разбудили не слишком рано, поскольку спешить было некуда. Солнце уже поднялось над горизонтом и красило глиняные стены оранжевыми лучами.

– Слушайте меня внимательно, знаешь! – Охранник прервался, чтобы поймать за пазухой блоху, и продолжил: – Если кому надо облегчиться, собака-шакал, иди туда. – Он указал на отгороженный стеной закуток. – Вода в большом кувшине, там, у стены, знаешь. Будете черпать ковшом, и чтоб порядок был, собака-шакал!

– А сколько можно пить? – спросил кто-то.

– Сколько нальется в твой живот, знаешь. – Конвойный усмехнулся.

– Прямо сейчас можно?

– Можно сейчас.

Толкаясь, пленники стали толпиться у обложенного саманными кирпичами кувшина, такого большого, что в нем мог поместиться человек.

Трое конвоиров благодушно на это взирали, лишь позевывая и почесываясь. Когда невольники напились, старший из конвойных продолжил объявления:

– Значит, так, всем надо почиститься, знаешь. А еще бриться надо, собака-шакал. Воду тратить понемногу, знаешь.

– А чем бриться?

– Я нож дам острый, знаешь.

Питер с Эриком отошли в сторону и, присев, стали разматывать обмотки.

– Ну вот, я же говорил, что будут откармливать, чтобы мы на торгах хорошо выглядели.

Принесли блюдо с высокой стопкой черствых лепешек, пленники побросали бритве и стали делить еду.

– Не толкайтесь, собаки-шакалы, сейчас еще принесут, знаешь! – прикрикнул старший конвоир, и действительно его помощники принесли еще лепешек, а потом и целый мешок высохшего прошлогоднего инжира.

– Живем, братцы! – воскликнул подобревший Биркамп.

После еды зачастили на яму, даже очередь образовалась, но потом все вернулись к стирке и бритью.

Питеру удалось счистить с башмаков свернувшуюся кровь, а еще под руководством Эрика он выстирал обмотки. Когда наступила жара, все спрятались в сарай – там все еще было прохладно, к обеду выпались и снова стали пить воду, жевать лепешки и инжир, а они все не кончались.

Эрик побрился, Питеру это еще не требовалось.

На другой день все повторилось – много воды, много еды. В обед во дворе появился Теллир, конвойные построили пленников, и хозяин остался доволен видом товара.

На сытый желудок о плохом думать не хотелось, все надеялись, что они еще сумеют устроить собственную жизнь.

17

На третий день пребывания в Датцуне невольников подняли рано, еще только занимался рассвет. Приказали умыться, напоили горчим чаем с лепешками и стали вязать за руки на одну веревку.

Увязав, вывели гирлянду на улицу, и в сопровождении конного Теллира и пеших конвойных двинулись на городской рынок.

Город только просыпался, из ворот на узкие улочки выходили закутанные в разноцветные ткани женщины. Заметив вереницу невольников, они замирали и провожали их долгими взглядами. Поскрипывая, проезжали телеги, запряженные волами, лошадьми, а то и ослами. На более значимых, центральных улицах на невольников никто не обращал внимания, здесь это было не в диковинку.

Питер вспомнил, как наблюдал птичников, несших на базар в Гудбурге клетки с курами, здесь таким же товаром были люди.

Вскоре стало понятно, где находится рынок, – туда стекалось все больше торговцев. Женщины несли на головах стопки сыров, углежогги сгибались под тяжесть огромных мешков со своим товаром, горшечники катили тележки с глиняной посудой, с грузом свернутых ковров семеняли бессловесные ослики, не обращая внимания на понукания хозяев.

Вскоре прибыли на рынок, огороженный, как и все дворы в городе, глинобитной стеной. Справа от входа торговали всякой всячиной, начиная с фиников и заканчивая оружием, слева продавали лошадей и крупный рогатый скот, а чуть дальше на помосте – людей.

Когда Теллир привел своих невольников, на помосте было пусто, не было и глашатая, руководившего торжищем, однако две партии рабов уже смиренно дожидались своей участи. В одной связке было пятеро рослых, добротн одетых мастеровых людей, в другой целых двадцать, но комплекцией пожиже и в плохой одежде.

– Эрик, а в хлеву хорошо работать? – негромко спросил Питер.

– Это как устроишься, может хорошо оказаться, а может и каторга. Тебе работать приходилось?

– Никогда. – Питер вздохнул. – Дядя старательно направлял меня на купеческую стезю, а если бы не ограничивал, может, я научился бы доить коров. Или там дрова рубить...

– Научишься, дело не мудреное.

Теллир сошел с лошади и приказал поставить невольников вдоль стены.

Одновременно с рабами на рынок доставляли лошадей и коров, их размещали в загонах у другой стены, там уже появились первые покупатели, заводя с продавцами неспешные разговоры.

На другой половине рынка уже всюю сновали люди, в основном слуги, которым требовалось принести продукты к завтраку. Корзинки, клетки, чепчики, платки – Питер видел, как на той стороне бьет ключом настоящая жизнь, а здесь все молчали, словно на погребении.

Оглядевшись, он заметил на стене надпись на яни: «Прощай, Са...» – и все. С кем прощался невольник – с Сандрой? С Самюэлем? Должно быть, его позвали на помост и он не успел дописать. Где он сейчас – жив или давно сгинул на чужбине? Питер почувствовал, как к горлу подкатывает комок, хотелось прекратить все это и запереться в своей просторной комнате в доме дяди. С каким бы удовольствием он сейчас решал задачки в малкуде, пусть даже они и были совершенно неинтересны!

За то время, пока ждали начала торгов, прибыли новые невольники. Двое на телеге, связанные по рукам и ногам – видимо, издалека, – и четверо своим ходом, в сопровождении трех охранников с колотушками.

Те, что на телеге, выглядели дико. Они были черны от солнца, нестрижены, в изорванной и залитой кровью одежде. Должно быть, их хозяин, сердитый полный господин на дорогой лошади, не нуждался в деньгах и хотел просто поскорее сплавить непокорных рабов.

Появился глашатай. Он шел быстро, нетерпеливой подпрыгивающей походкой. На нем были рыжие сапоги и новый халат поверх красного кафтана, в руках традиционная для глашатаев торжища короткая палка.

Едва он взбежал на помост, со всех концов рынка стали подтягиваться покупатели и просто зеваки.

18

Среди покупателей Питер сразу отметил господ и посланных приказчиков, которым хозяева доверяли выбор живого товара.

Владелец первой партии невольников подошел к помосту, глашатай к нему склонился, выслушал сведения о товаре и, кивнув, повернулся к публике:

– Уважаемые жители Датцуна и гости нашего города, мы начинаем торговлю! Первыми на торг выходят люди господина Хитцера.

Понукаемые двумя охранниками, связанные по рукам, пятеро невольников взошли на помост.

– Человек первый – плотник, очень сильный и искусный. Может в одиночку собрать деревянный дом, починить полы или крышу. Второй человек – кожевник. Если у вас свиньи, коровы или другой скот – этот работник не даст пропасть козам. Сам их снимет, просушит и сделает все необходимое, чтобы вам было с чем идти к сапожнику на заказ. А этот человек...

Питер слушал ровную речь глашатая и поражался, как много тот говорит о каждом из невольников, хотя хозяин этих людей сказал ему на ухо всего несколько слов.

«Стало быть, врет, – пришел к выводу Питер и вздохнул. – Что-то он выдумает и обо мне...»

Когда глашатай представил всех пятерых, один из покупателей поднял руку, привлекая к себе внимание.

– А что же хозяин с ними расстанется, если они так хороши? Уж нет ли какого изъяна?

Хозяин вышел к возвышению и пояснил:

– Изъяна нет, я продаю свой дом в оазисе Лола и переезжаю в город, а тут мне мастера не пригодятся.

– Да, тут не пригодятся, – закивала публика.

– Ладно, говори цену, враль!

Все засмеялись, а глашатай откашлялся и, указывая на плотника, произнес:

– За этого просят всего десять золотых, за остальных – по семь.

Разросшаяся толпа загудела, потом начался торг, в результате плотника купили за пятнадцать золотых, а других мастеровых взяли по восемь.

– Продано! Давайте деньги, забирайте своих людей! – крикнул глашатай. Проданные стали спускаться с помоста, на ходу пожимая друг другу руки, – должно быть, прощались.

На торжище вывели большую группу рабов – двадцать человек, их поставили в три ряда, и свободного места на помосте почти не осталось. Выглядели они куда хуже предыдущих, и следы перенесенных лишений отражались на их лицах. Они переговаривались между собой на непонятном языке, а отвечая охранникам, говорили на яни очень плохо. Скорее всего, это были какие-то селяне, захваченные одной из банд вроде отряда Теллира.

Много за них не просили, и покупатели разобрали всех группами по три-пять человек, не поднимая цену больше двадцати рилли за каждого.

– Ну, пошли, собаки-шакалы! – скомандовал конвоир, и у Питера забило сердце. Он так волновался, будто ему предстояло читать с этого помоста комедию.

Но не успели люди Теллира тронуться с места, как в ворота рынка въехали шестеро всадников в парчовых халатах и красных сапогах, важные, словно дворяне, однако это были только охранники. Следом за ними появился паланкин, его несли четверо полуголых рабов.

Люди замерли, пораженные невиданным прежде действием. За первым паланкином появились еще два, а замыкали процессию двенадцать всадников.

Видимо, глашатай знал, кто это, он соскочил с помоста и подбежал к самому представителю всаднику. Тот слез с лошади и отошел с руководителем торжища в сторону.

Выслушав все наставления, глашатай кивнул и бегом возвратился на помост, а следом за ним на возвышение внесли все три паланкина – кто в них прятался, рассмотреть было невозможно из-за плотных синих занавесок.

Носильщики поставили свою ношу и замерли рядом, словно изваяния.

– Уважаемые жители Датцуна и гости нашего города, сейчас наступает волнительный момент... – Глашатай сделал театральную паузу, и стало слышно, как бьют копытами в загонах лошади. – На торги выставляются три красавицы из цветника самого наместника императора, любимого и почитаемого нами графа Макитваля! Как все вы знаете, его сиятельство женится на благородной девице фон Тальберг, а человеку женатому и добродетельному наложницы не нужны... А сейчас – внимание!

Питер стоял на носочках, вытянув голову, чтобы было лучше видно, – он и его товарищи по несчастью забыли, зачем они здесь, все заморожено следили за носильщиками, которые опустили возле паланкинов на колени. Опираясь на их плечи, из-под вышитых золотом занавесок появились наложницы.

Они были наряжены в костюмы танцовщиц, прозрачные шелка, броши и бусы едва прикрывали их роскошные тела. Понимая театральность происходящего, девушки прошли, словно проплыли, по кругу и остановились у паланкинов, привлекая восхищенные взгляды собравшихся. Легкий ветерок развеивал их шелковые одежды и раскачивал перья заморских птиц, вставленные в высокие прически.

Видавший всякое глашатай и тот не сразу справился с собой. Ему пришлось откашляться, чтобы говорить внятно.

– Объявляю цены наложниц!

– Говори, не тани! – стали кричать самые нетерпеливые, потрясая кошельками с золотом.

– Сто пятьдесят золотых за каждую, вместе с драгоценностями, паланкином и носильщиками! Если кто-то желает взять всех трех, он должен будет заплатить по сто восемьдесят за каждую!

По толпе прошел гул, шутка ли – такие огромные деньги, с другой стороны – это были наложницы самого наместника, прикоснуться к ним стоило этих денег.

– Даю шестьсот за всех троих! – закричал какой-то купчина.

– Шестьсот пятьдесят! – вмешался другой, поднимая унизанную перстнями руку.

– Семьсот пятьдесят!

– Тысяча! Даю тысячу золотых!

Наступила тишина, все повернулись, чтобы разглядеть того, кто выбрасывает такие деньги на девок, пусть даже из гарема самого наместника.

Счастливым обладателем стал низкорослый сутулый меняла, рядом с которым стояли два огромных янычара-охранника.

К меняле подбежал один из сопровождавших паланкины воинов и спросил адрес, по которому следовало доставить красоток. Получив ответ, он вскочил на лошадь и махнул носильщикам, девицы скрылись в паланкинах, и их понесли к новому хозяину.

Глашатай принял у покупателя немного золота и вексель, после чего меняла взобрался на белого осла и в сопровождении молчаливых янычар поехал следом за своим имуществом, строя радужные планы на предстоящую ночь.

– А теперь новые торги! – Глашатай покосился на Теллира, и тот кивнул. Они сотрудничали не первый год, и цены на подобный товар были хорошо известны, однако подбежавший конвоир шепнул еще несколько слов и ткнул пальцем, как показалось Питеру, прямо в него. Глашатай понимающе кивнул.

Двенадцать невольников завели на помост. Питер почувствовал на себе внимание сотен человек: одни смотрели с интересом, другие с подозрением – каждый выискивал какие-то скрытые недостатки живого товара.

– Все люди здоровые, сильные, годятся для любой работы!

Стоявший рядом с Питером Эрик указал головой на двоих стоявших недалеко от помоста покупателей, загорелых дочерна, с неровно подбритыми длинными усами и в побелевших от пота кожаных жилетках поверх голых торсов.

– Пираты, пришли покупать людей на галеры.

У Питера от страха закружилась голова – вот она, смерть, совсем рядом! На галерах, он это слышал уже многократно, гребцы жили не дольше восьми недель. Неужели прав был злобный Биркамп и все они попадут к пиратам?

– Эй, а мальчишка кто таков? – вывел Питера из оцепенения чей-то голос.

– Мальчишка не простой! Он обучен грамоте, умеет составлять торговые расчеты и сводить дебет!

– Ладно врать-то, ребенок ведь!

– Не ребенок, а молодой работник! – поправил глашатай, чтобы не снижать цену. – И происходит из купеческого рода города Гудбурга!

– Сколько просите за мальчишку-грамотея? – Этот вопрос задал расталкивавший толпу человек с недобро горящими глазами. – Сколько он стоит – я заплачу!

– Эй, невежа, не знаешь разве порядка? Торговаться будем! – крикнули ему.

– Торговаться не будем! – Добравшись до помоста, человек улыбнулся. – Торговаться не будем – даю десять золотых!

Не дожидаясь ответа, он швырнул деньги глашатаю и тот ловко их поймал, не уронив ни монеты.

Питера развязали, и новый хозяин за руку стащил его в толпу.

– Прочь, пошли прочь! – кричал он, то и дело оглядываясь на Питера, ладонь его была мокрой. – Уф! – произнес новый хозяин, переводя дух у небольшой, запряженной ослом арбы. – Как тебя зовут, мальчик?

– Питер, сэр.

– Питер... Хорошее имя для мальчика. Забирайся на арбу.

Невольник залез на край арбы, и хозяин связал ему руки и ноги, потом взобрался на короб, с которого погонял осла, и, обернувшись, сказал:

– Будешь звать меня мессир Карцеп, я служу в канцелярии графа Макитваля, заместника императора в Савойе, понял?

– Понял, мессир Карцеп.

– Хорошо, тогда поехали.

Хозяин ткнул ослика палкой, и тот потянул арбу. В этот момент со стороны помоста раздался вой, на бьющегося, словно рыба, человека бросились охранники.

– Ну вот, еще одного на галеры купили! – прокомментировал Карцеп.

Питер вытянул шею, чтобы рассмотреть, кому не повезло, и понял – это был Биркамп.

19

Дом мессира Карцепы стоял в центре города, он оказался довольно большим и имел два этажа, хотя и не мог соперничать с домом Нуха Земаниса. По обычаю этого города, его окружала глухая стена, однако не глиняная, а из дорогого обработанного камня. Высокие дубовые ворота с коваными накладками вмиг распахнулись, едва к ним подъехала арба.

– Какое счастье, хозяин вернулся! – Немолодой слуга в просторных белых одеждах и кожаной шапочке низко кланялся, пока арба проезжала во двор, затем быстро запер ворота и подбежал к Карцепу прежде, чем тот слез с арбы.

– Отвяжи его, Мургаб, и отведи в лакейскую.

– Да, хозяин! Конечно, хозяин!

Все то время, пока Карцеп поднимался по ступеням, слуга не переставал кланяться. Лишь после того, как хозяин скрылся за дверью, он развязал веревки на руках и ногах Питера и помог ему слезть – пути были слишком тугими, и конечности пленника затекли.

На мощном камне дворе стояло несколько построек, а в его глубине начинался большой сад.

– Ой, плохо, ой, бежать тебе надо, – пробормотал Мургаб, не глядя Питеру в глаза.

– Почему бежать? – спросил тот, ожидая что старый слуга откроет какую-то страшную тайну, но Мургаб лишь замотал головой:

– Не слушай меня, пойдем – место покажу.

Питер пошел за Мургабом, осматриваясь и растирая онемевшие руки. Двор выглядел чистым, хозяйственные постройки и дом были побелены. Там, где начинался сад, росла трава, ее свежая зелень манила лечь и забыться.

Они подошли к двери небольшого, пристроенного к стене домика. Мургаб толкнул дверь и зашел, Питер последовал за ним.

В маленьком коридорчике дверей было немного.

– Здесь моя комната, а следующая – твоя.

Старый слуга указал на дверь и остался стоять, испытующе глядя на Питера.

– Там что... кто-то есть? – не удержался тот, уж больно странно вел себя Мургаб.

– Заходи, не бойся.

Питер осторожно потянул за ручку, дверь скрипнула, в лицо пахнуло запахом старых тряпок. Окно закрывала истлевшая занавеска, отчего в комнате царил полумрак.

Питер прошел, снял занавеску и огляделся. Узкая деревянная кровать, а попросту – лавка, небольшая тумбочка и несколько деревянных сучков, вбитых в стену в качестве вешалок.

Из коридора заглянул Мургаб. Как показалось Питеру, он с явным опасением окинул взглядом голые стены и не решился зайти.

– Кто жил здесь раньше?

– Здесь? – Старый слуга отрицательно покачал головой. – Я не могу говорить, я не должен.

И повернувшись, пошел прочь. Питер поспешил за ним.

– Какую работу я буду делать?

– Какую хозяин скажет.

– А кто кроме нас есть из слуг?

– Женщина.

– Как ее зовут?

– Зовут? – Мургаб посмотрел на Питера с неподдельным удивлением. – Как ее могут звать? Женщина – и все. Она живет в доме, у нее там своя комната, и она выполняет домашнюю работу.

Неожиданно хлопнула входная дверь домика, и резкий высокий голос позвал:

– Мургаб, ты где?!

– Я здесь, хозяйка, здесь! – Мургаб едва не сбил Питера с ног, бросившись на зов.

– Ну, куда ты спрятал нашего нового человека?

– Он здесь, хозяйка, я показывал ему его комнату.

Питер прислушивался к разговору, стоя в коридоре. Хозяйку он не видел, а по голосу никак не мог определить ее возраст.

Послышался стук подбитых подковками туфель, и появилась сама хозяйка. В первое мгновение Питер решил, что эта красавица его возраста. Собранные в несколько косичек черные волосы, фиолетовые пронзительные глаза и чуть припухлые губы – примерно так в представлении Питера должна была выглядеть девушка, которую он когда-нибудь встретит и полюбит. На ней были бирюзовая куртка с высоким воротом и голубые шаровары, женщины здесь одевались странно, но это лишь придавало хозяйке загадочности и очарования.

Улыбнувшись, она показала острые зубки и произнесла:

– Так вот ты какой, грязный, лохматый... Неужели так трудно мыться почаще, грязнуля? Отвечай мне, дурак! – воскликнула она с неожиданной злостью.

– П-прошу прощения, мисс, нас целую неделю гнали по пустынным дорогам, там не было воды даже для питья, не то чтобы помыться... – Питер пожал плечами и виновато улыбнулся, надеясь пробудить в ровеснице сострадание.

– Так и ищут повода оправдаться, скоты! – воскликнула хозяйка и неожиданно для Питера огрела его по голове бамбуковым стеклом. Испугавшись, что это очередное избиение, он закрыл голову руками и попятился, а девушка расхохоталась и опустила стек. – Не бойся, дурачок, я больше не буду. Как тебя зовут?

– Питер, мисс.

– Питер... Ну-ну. Мургаб!

– Слушаю, хозяйка!

– Позаботься, чтобы новый работник был чисто вымыт, ты знаешь – я не переношу грязи.

– Слушаюсь, хозяйка. Прикажете истопить терму?

– Прикажу. Подбери ему одежду, из той, что осталась от... Одним словом, ты меня понял.

– Понял, хозяйка, – не переставал кланяться Мургаб, хотя девушка стояла к нему спиной.

Отдав распоряжения, она повернулась и пошла к выходу, картинно покачивая бедрами.

Стукнула дверь, и стало тихо.

– Кто она? – спросил пораженный Питер.

– Она хозяйка.

– Я понял, что хозяйка, но кто она мессире Карцепу? Дочь?

– Нет, она не дочь.

– А кто же тогда – племянница?

– Я не могу сказать...

– Но какая же в этом тайна? Сколько ей лет?

Мургаб упрямо молчал.

– Как и мне – шестнадцать? – настаивал Питер. Он считал это важным.

– Она старше тебя, вот и все, что могу сказать. Пойдем, я истоплю терму, там есть большой запас хвороста.

20

К терме пришлось идти через весь сад по проложенным в траве тропинкам из красного камня. Таким же был вымощен двор. Деревья выглядели ухоженными, где надо подрезаны, стволы побелены, а с ветвей свисали невиданные прежде Питером плоды. Но птиц не было, даже шмели не летали, хотя цветов здесь хватало.

– Кто содержит сад – садовник?

– Я один.

– Правда? – Питер вздохнул. – У моего дяди был садовник, его звали Гошар.

Сложенный из разнокалиберных камней домик с единственным окном и широкой медной трубой был той самой термой. Мургаб вошел в него первым и указал Питеру на узкую боковую дверь:

– Тебе сюда, раздевайся и жди – сейчас я нагрею терму.

Питер вошел в крохотное помещение, разделся и положил одежду у двери. Огляделся – небольшое окно, массивная каменная полка, здесь было прохладно и пахло сыростью. Во встроенном в стену медном чане оказалась вода, Питер зачерпнул ее ладонью и зачем-то попробовал на вкус – она была обыкновенной.

За стеной слышалась возня Мургаба, трещал хворост, звенела заслонка. Скоро все стихло, он протопал по коридору и заглянул к Питеру.

– Сейчас будет тепло.

– Зачем топить – и так не холодно, я бы мог обойтись обычной водой.

– Если хозяйка сказала нагреть терму, значит, нужно нагреть.

Подхватив грязную одежду и стоптанные башмаки новичка, слуга исчез.

Питер стал прислушиваться, в трубе ревел огонь, в печи трещал хворост. Полка стала нагреваться, а в чане закипела вода.

Питер огляделся в поисках мочалки, и в этот момент вернулся Мургаб, он поставил на полку кувшин и положил пучок свежего мыльника – душистой травы, которая давала пену.

– В кувшине – щелок, голову мыть, – сказал слуга. – Давай я помогу тебе.

– Не нужно, я сам.

– Ты должен быть чистым, это приказ хозяйки.

– Ладно, только осторожно со спиной – у меня там...

– Я вижу – тебя наказывали.

Мургаб налил горячей воды в деревянную шайку, распарил в ней пучок мыльника и принялся натирать Питера, впрочем, делал это очень деликатно. Потом окатил его теплой водой и сказал:

– Просохни, я пойду принесу тебе одежду.

Мургаб ушел, а Питер поднялся с полки, чтобы не так щипали раны на спине. Снова скрипнула дверь, и он обернулся, надеясь увидеть старого слугу с одеждой, однако это оказалась хозяйка.

Питер ойкнул и попытался прикрыться шайкой, но девушка подняла стек.

– Не смей двигаться, раб, я хочу на тебя посмотреть. Повернись спиной!

Питер повиновался.

– О, да ты не радовал своих прежних хозяев... Теперь повернись ко мне и не смущайся, для меня ты – раб, существо бесполое. Ты понимаешь, что ты бессловесная тварь, Питер?

– Да, мисс.

– Называй меня Юлия.

– Хорошо, мисс Юлия.

– Фу, болван! – Она топнула ногой и ударила стеклом по полке. Питер вздрогнул. – Говори мне просто – Юлия.

– Да, Юлия.

– Вот так. – Хозяйка смягчилась. – Теперь подойди.

Питер подошел. Он был напряжен, опасаясь, что эта стерва выкинет еще какой-нибудь фокус.

– А ты хочешь, чтобы я тоже разделась?

– Я... я не знаю... Юлия...

– Мы могли бы вместе обливаться водой, а?

– Я не смею ничего желать, вы – моя хозяйка.

Она еще постояла молча, потом фыркнула и ушла, а Питер бессильно опустился на теплую полку, его тело покрылось гусиной кожей, а зубы начали выбивать дробь.

Наконец явился Мургаб и застал Питера в слезах.

– Она... она разглядывала меня, словно я... – Питер не мог подобрать подходящего слова. – Слово я какой-то бык!

– Она – хозяйка, – сухо заметил старый слуга. – Вот тебе штаны и рубаха, а еще чистые обмотки и башмаки – как раз тебе впору.

– А подштанники?

– Рабам белье не полагается.

Питер стал одеваться. Одежда оказалась впору, башмаки – тоже.

– Чьи это вещи?

– Я не должен говорить.

– А кафтан мне вернут? Он очень просторный – в него можно заворачиваться, как в одеяло.

– Старых вещей нет.

– Ты их сжег?

– Нет, их забрала хозяйка.

– Но ведь они грязные и в крови!

– Потому и забрала.

Поняв, что сказал лишнее, Мургаб выскочил из термы. Питер, криво усмехнувшись, вышел за ним.

Старый слуга ждал его.

– Питер, ты только сегодня сюда явился и уже задал мне много вопросов. Держи язык за зубами – и проживешь долго. Если нет, то лучше бы тебе сбежать...

Мургаб развернулся и быстро пошел прочь, Питер в недоумении зашагал следом.

21

В бедной комнате его ожидал обед – большая теплая лепешка и вода в кувшине. Это было очень кстати, после термы есть захотелось особенно сильно.

Насытившись, Питер почувствовал, что хочет спать, однако мысль о том, что, заснув, он может навлечь на себя гнев хозяев, заставила пойти за советом к Мургабу.

– Скажи, какая у меня сегодня будет работа?

– Пока хозяин ничего мне не говорил, – развел руками слуга. – Сегодня можешь отдыхать.

– Что, и спать можно?

– Конечно, – кивнул Мургаб, пряча глаза.

– Ты советовал мне бежать...

– Не помню этого. Иди спать.

– Но сейчас еще день.

– Спи, пока можно, невольничья жизнь сложная – старайся есть с запасом, спать с запасом, неизвестно, какие могут случиться обстоятельства.

Спорить Питер не стал и, вернувшись к себе, лег на приготовленную чьими-то заботливыми руками постель. Он проспал несколько часов и, проснувшись, будто явился из небытия. Открыл глаза и ничего не увидел – за окном сгустились сумерки, потом посмотрел на дверь и подскочил от ужаса – в открытом проеме кто-то стоял. Питер не сразу понял, что это Мургаб.

– Если хочешь бежать, сегодня для тебя последняя возможность, – произнес старый слуга и закрыл дверь комнаты.

– Вот так дела, – прошептал Питер и почувствовал, что вся его одежда пропиталась холодным потом. – Неужели действительно бежать?

Он промокнул лицо тощей подушкой и сел. В голове тяжело ухало, обрывки мыслей мешались друг с другом, не давая ни на чем сосредоточиться. Бежать! Сегодня же! Но куда? Говорят, тут близко море – можно увязаться за обозом, поработать в каком-нибудь порту. Будет тяжело, но он справится, накопит денег и вернется в Гудбург, а там банкиры Нуха Земаниса – Нарстад и Хикле, они переписут на него дядины капиталы, и все ужасы останутся позади.

Питер встал и, подойдя к двери, осторожно ее приоткрыл – в коридоре был слышен негромкий храп Мургаба. Неужели он успел так быстро заснуть? Миновав дверь в его комнату, Питер выглянул во двор – здесь тоже было тихо, мирно пели цикады, а в небе мерцали крупные звезды.

«Вот она – свобода!» – подумал Питер и вдохнул теплый, пахнувший садовыми травами воздух. Оставалось лишь перебраться через забор и двинуться на юг – туда, где начинаются дороги, ведущие в портовые города. Дождаться утра и пристать к обозу – чего уж проще.

Осмелев, Питер вышел во двор и притворил за собой дверь. В хозяйском доме не светило ни огонька. Ступив на прогретые за день камни, Питер почувствовал решимость: сейчас он доберется до ограды, взберется по ступенчатым уступам – и свобода.

В темноте двор казался куда больше, чем днем, свет неполной луны размывал контуры предметов, делая их призрачными.

Подойдя к воротам, Питер еще раз огляделся, ухватился за уступы...

В воздухе что-то свистнуло, и страшный удар обрушился на его спину – такой сильный, что Питеру показалось, будто его рассекли пополам.

Вспыхнули факелы, появились какие-то люди, залаяли собаки и, вцепившись в Питера, стали его терзать. Он закричал от ужаса и упал, поджимая руки и ноги, чтобы сохранить их от увечья. Удары сыпались вперемешку с ругательствами, но скоро тело онемело, размякло и перестало чувствовать боль.

– Добавь ему! Добавь!

– Забейте эту сволочь!

– Секи! Сильнее секи! Дайте собакам ухватиться!

«Ну все – убьют», – напоследок подумал Питер, и в этот момент послышался голос:

– Довольно, он получил урок.

Удары прекратились, визжавших от досады псов оттащили, они визгливо лаяли и хотели дорвать жертву, но им не дали.

Питер ждал, что его снова будут бить, однако вместо этого его окатили водой. Неужели пожалели? Нет, через мгновение он понял, что это продолжение пытки – вода оказалась густым рассолом, и многочисленные раны и ссадины на теле загорелись огнем. Питер застонал.

К его лицу поднесли факел, так близко, что запахло палеными волосами, – Питер попытался отстраниться.

– Ну что, червь, извиваешься? За тебя заплатили деньги, а ты хотел сбежать? Думал, здесь это запросто?

Питер не сразу осознал, что низким неприятным голосом с ним разговаривает Юлия.

– Уберите его!

Питера подхватили под руки и куда-то потащили, его ноги бессильно волочились по земле. Послышался скрип открываемой крышки, и в следующее мгновение пленник кувырком полетел по лестнице.

Ожидая удара о каменный пол, он сжался, однако приземление оказалось не таким жестким – кажется, здесь был сырой песок.

Не найдя сил двинуться, он потерял сознание и лежал довольно долго, лишь изредка переходя в состояние полусна-полубреда.

22

Сколько Питер валялся в этом погребе, он не помнил. Открывая глаза, видел темноту или непроницаемую серую пелену. Тела он не чувствовал и, казалось, не догадывался о своем существовании на этом свете.

Открыв глаза в очередной раз, Питер сумел выделить из увиденного какие-то образы. Перед ним были живые твари, они почесывались и смотрели на Питера черными бусинками глаз. Пошевелившись и почувствовав боль, он понял, что на этот раз остался жив. Хотелось заплакать, пожалеть себя, но плакать он не умел с детства.

Собрав все силы, невольник перевалился на спину, напуганные крысы отбежали к стене и там, возле норы, остались наблюдать, лелея надежду, что человек все же умрет.

Питер увидел низкий сводчатый потолок и светлый квадрат уходящего вверх колодца. Попадавшего в квадратное отверстие света хватало, чтобы разглядеть погреб.

Осторожно, чтобы не закашляться, Питер вздохнул – в легких что-то забулькало, дыхание было хриплым. Попробовал пошевелить одной ногой, потом другой – вроде были не сломаны. Руки тоже оказались целы, только внешние стороны ладоней представляли собой раны с засохшей кровью и песком. Питер царапнул пол – так и есть, это был песок.

Заметив справа от себя какую-то темную полосу, пленник определил, что это колонна – старая, покрывшаяся черной плесенью. Сделав несколько осторожных движений, Питеру удалось подползти к ней. Немного отдохнув, он сумел приподняться и прислониться к колонне спиной.

В глазах поплыли круги, подкатила тошнота, однако скоро она прошла, оставив только длящийся наяву кошмар. Питер несколько раз моргнул, надеясь, что видение исчезнет, однако разбросанные по полу скелеты остались.

Их было не меньше трех десятков, останков неизвестных людей. Где-то уцелела одежда, ремни, остатки обуви. Даже неопытного взгляда было достаточно, чтобы понять – они копились здесь не одну сотню лет, сохранив клочки одежды разных времен. На костях некоторых имелись повреждения – разрубленный череп, сломанные ребра, кости ног, рук. Кто-то из них умер связанным, об этом свидетельствовали остатки веревок, других истязали дольше – два скелета оказались привязанными к вбитым в стену железным кольцам.

После перенесенных побоев Питер страха не испытывал и, чтобы восстановить кровообращение, поднялся и стал понемногу расхаживаться, путешествуя по погребу и перешагивая через древние останки.

Обнаружив возле одной из стен особенно сырой песок, Питер опустился на пол и стал рыть. Песок оказался рыхлым, и вскоре удалось достичь уровня, где он стал совсем жидким.

Сняв рубашку, Питер сложил ее вдвое и, накидав сверху несколько пригоршней песочной жижи, подождал, пока снизу начнет капать мутноватая вода. Ее набралось на три полноценных глотка. Несколько раз повторив эти манипуляции, Питер утолил жажду и почувствовал себя лучше.

Прошли еще одни сутки, появился аппетит. Крысы не покидали нору, наблюдая из нее за человеком. От нечего делать Питер предавался воспоминаниям, думая о том, как бы все сложилось в его жизни, если бы не поход в Пешехар. А еще ему не давало покоя то, как он попался в расставленную западню, ведь во дворе было тихо и он специально прислушивался, опасаясь быть застигнутым, откуда же они узнали о его намерении сбежать? Может, все новички пытаются сделать это в первую же ночь и поэтому хозяева загодя выставляют засады?

«Глупец, нужно вести себя как Мургаб, он столько лет в неволе и все еще жив», – упрекнул себя Питер и тут же вспомнил, как старый слуга сам уговаривал его бежать. Может, это он нарочно громко храпел, а сам выследил Питера и сообщил хозяевам?

Перед тем как стемнело, Питер попил воды и уже привычно уснул среди скелетов.

Утром, едва взошло солнце, послышался скрип ржавых петель, тяжелая крышка поднялась, и по узкой лестнице в сырой погреб спустились двое безмолвных охранников. Постояв немного, чтобы привыкнуть к полумраку, они увидели Питера и, не говоря ни слова, подхватили его под руки и потащили наверх.

23

Просидев долгое время в темном погребе, Питер отвык от яркого света, и теперь он больно резал глаза, заставляя жмуриться.

– Надо же, какой живучий, – прозвучал злой голос Юлии. – У тебя было время обдумать свой поступок, скажи мне что-нибудь такое, что заставит меня отказаться от намерения подвергнуть тебя мучительной казни.

– Простите меня, хозяйка, я еще слишком молод, у меня нет никакого жизненного опыта. Раньше за меня все решал дядя... Я больше никогда не побегу – обещаю.

– Разумеется, ты никуда не убежишь, мальчик, – прозвучал голос мессира Карцепа. – Потому что я велю отрубить тебе ногу, а потом подарю деревяшку, чтобы удобнее было ковылять...

Несмотря на нестерпимо яркий свет, Питер широко распахнул глаза – рядом с Карцепом стоял огромный янычар с широким, тускло поблескивающим топором. Стало ясно, что это не шутка, в глазах хозяина Питер видел только холодный расчет – покалечить, чтобы не сбежал.

– Хозяин, простите меня. – Питер упал на колени. – Обещаю вам, что даже не подумаю о побеге! Никогда даже не подумаю!

Выпалив все это, он замолчал. Воцарилась страшная тишина, казалось, Карцеп уже не изменит решения.

– Хорошо, – сказал наконец хозяин, хотя его лицо осталось бесстрастным. – Я не стану калечить тебя лишь потому, что ты мне еще нужен как работник. Отправляйся к Мургабу.

Питер поднялся с колен и, тяжело переваливаясь, пошел через двор к лакейскому домику. На своей израненной спине он чувствовал сверлящие взгляды хозяев.

В коридоре домика он обнаружил Мургаба, тот сидел на колченогом табурете и смотрел на вошедшего.

– Я должен был подтолкнуть тебя к побегу, хозяин приказал.

– Ты знал, что со мной будет?

– Знал. Я давно здесь живу.

– Там, внизу... в погребе – человеческие кости. Ты был знаком с этими людьми?

– Я же сказал, что живу здесь давно. Но хватит об этом, у нас есть работа, и ее нужно сделать в срок – хозяин не любит проволочек.

– Но я не совсем... я плохо себя чувствую. – Питер сполз по стене на пол.

Мургаб поднялся и ушел в свою комнату, потом вернулся с политой свежим медом лепешкой и чашкой с молоком.

– Ешь.

Питер принял угощение и начал сосредоточенно разжевывать лепешку, стараясь не прикусить распухший язык. Когда с ней было покончено, он допил молоко и возвратил чашку.

– Спасибо, Мургаб, ты очень добрый.

– Я не добрый, просто мне нужен помощник.

Он помог Питеру подняться, и вместе они отправились в сад, там старый слуга указал на одну из стен, которая была значительно ниже остальных и сложена из саманных кирпичей.

– Мы должны разобрать ее и построить на этом месте такую же высокую и крепкую стену, как повсюду вокруг дома.

– А из чего мы будем строить?

– Там на дороге, позади сада, лежит много заготовленных камней. Когда мы разберем старую стену, появится проход, и через него ты перетаскаешь новые камни сюда, а старые вынесешь наружу. Понял?

– Понял, – кивнул Питер, который никогда не таскал камни.

И они принялись за работу, начав разбирать стену.

За время строительства не приученный к тяжелой работе Питер окреп. Все камни пришлось перетаскивать ему, поскольку у Мургаба хватало и других забот. Старый слуга показал, как растирать мышцы рук и ног, когда с утра не было сил подняться, как заматывать ладони тряпками, чтобы не сдирать кожу о камни, научил работать молотком и железным клином для колки и обработки камней. Иногда тяжелая работа увлекала Питера, заставляя забыть о своей нелегкой судьбе, но частые визиты хозяйки напоминали ему о его месте в этой жизни.

Она приходила каждые два-три дня, с хищной улыбкой подходила к невольнику и начала щипать его, да так больно, что Питер кричал, однако ее это только забавляло. Иногда она так распалась, что запускала руку ему в штаны и сжимала сильными пальцами все, до чего могла добраться.

Бывалый Мургаб во время этих визитов как ни в чем не бывало продолжал укладывать камни, а у Питера оставались на теле жуткие кровоподтеки. Он терял силы и подолгу лежал на траве, чтобы прекратилась болезненная дрожь, и лишь потом начинал работать.

– Почему это происходит со мной, Мургаб? Я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Она пьет твою молодость, – просто отвечал старый слуга.

Питер находился у новых хозяев уже два с половиной месяца и каждый день, приходя в свою комнату на обед, находил там неизменную лепешку, молоко и финики. А еще кто-то поправлял его кровать, стирал одежду и сменял постельную накидку.

– Кто это делает, Мургаб? – спросил он как-то. – Как будто волшебство какое.

– Никакого волшебства, это делает женщина.

– Та, что прислуживает в доме?

– Да.

– Почему же мы никогда ее не видим?

– А зачем нам ее видеть? – удивился Мургаб.

– Ну, не знаю.

Позже он пару раз видел эту таинственную служанку, но издали. Она была одета в какие-то мешковатые одежды, передвигалась тяжело, то волола корзину с бельем, то расстилая для чистки тяжелые ковры.

– Сколько ей лет, Мургаб? – любопытствовал Питер.

– Откуда я знаю?

– Она старше тебя?

– Наверное.

– Она работает с тех пор, как ты здесь появился?

– Наверное, – нехотя отозвался старый слуга и перевел разговор на другую тему.

24

Хозяин каждое утро уезжал на службу – Мургаб подавал ему лошадь под старым седлом. Возвращаясь после обеда, мессир Карцеп шел смотреть, как идет строительство стены. Разговаривал он только с Мургабом, однако, занимаясь своим делом, Питер чувствовал, когда хозяин бросал на него необыкновенно тяжелый взгляд. От этого скребущего пронизывающего чувства хотелось бросить все и бежать, однако Питер крепился, ведь он обещал не думать о побеге, и кто знает, не читают ли эти страшные люди его мысли.

Наконец стена была готова, хозяин долго ее осматривал, колупал ногтем и отходил, чтобы окинуть взглядом всю целиком. Остался ли он доволен или нет, было непонятно, впрочем, ругать слуг он не стал.

Уже уходя из сада, он неожиданно обернулся и сказал:

– Мургаб, нагрей ему терму, пусть переоденется и как стемнеет – придет в дом.

– В дом? – не удержался от восклицания Питер, однако мессир Карцеп не обратил на его слова никакого внимания. Когда он ушел, Питер спросил Мургаба: – А ты часто бываешь в доме хозяина?

Старый слуга опустил глаза и направился к терме. Питер вздохнул и пошел следом, он уже привык, что большинство его вопросов повисает в воздухе.

Пока мылся и натирался мыльником, старался ни о чем не думать, ведь ничего изменить он был не в силах, а в хозяйском доме, в этом не приходилось сомневаться, его не ждало ничего хорошего.

У Питера оставался последний козырь: в случае угрозы его жизни он хотел пасть перед хозяином на колени и пообещать переписать на него половину всего богатства, что наследовал от Нуха Земаниса, или даже все – ведь это стоило его одной жизни, человека шестнадцати с половиной лет от роду.

Уверенности, что обещание богатства поможет, у Питера не было, но это помогало не сорваться в истерику.

Когда стемнело, в комнату к Питеру зашел Мургаб.

– Тебе пора, – сказал он.

– Да. – Питер поднялся, накрутил чистые обмотки, надел башмаки. Теперь он был готов.

Мургаб проводил его до крыльца хозяйского дома, дальше Питер должен был идти один. Ноги не повиновались, но он, преодолевая слабость, шагал по ступеням.

Вот и тяжелая дверь. Когда Питер толкнул ее, почувствовал, что сердце остановилось: в большой сумрачной прихожей он увидел стоявшего со светильником мессира Карцепа. Хозяин был одет в длинное белое одеяние и белую шапочку с золотой вышивкой.

– Следуй за мной, – сказал он и, протиснувшись в узкий стенной проход, стал спускаться по старым, стершимся от времени ступеням.

Запахло сыростью, темнота становилась все плотнее, ее не разгонял даже светильник в руках хозяина. В какой-то момент Питеру показалось, что он бредет сквозь вязкую жидкость, дыхание стало хриплым, но в этот момент лестница кончилась.

Питер огляделся, пытаясь понять, куда привел его хозяин. Это был просторный мрачный зал с закопченным потолком и коричневыми потеками на стенах. Чадающее пламя факелов порождало в полутемных углах пугающие тени, которые жили собственной жизнью, на стенах проступали барельефы, изображавшие неизвестных чудовищ.

– Раздевайся, – приказал хозяин.

Питер выполнил распоряжение без промедления.

– Подойди к стене.

Питер подошел, испуганно глядя то на Карцепа, то на торчавшие из стены железные кольца. Хозяин схватил Питера за руку и стал привязывать ее к кольцу плетеной кожаной веревкой. Закончив с правой, взялся за левую. Проверив крепость узлов, Карцеп опустился на одно колено, чтобы привязать ноги раба к кольцу у основания стены.

Питер стоял смирно, не задавая вопросов.

Из-за почерневшей колонны сначала выглянула, а затем целиком показалась Юлия, она была обнажена и истекала потом, как если бы совершала тяжелую работу. Черты ее лица заострились, она выглядела значительно старше. Факелы на стенах затрещали, их пламя заметалось, источая облака копоти.

Юлия приблизилась к Питеру какой-то ломаной походкой, и он ощутил исходящий от нее резкий запах кислоты.

Мессир Карцеп закончил вязать и увел Юлию. Их не было около четверти часа, и Питер снова начал замерзать от страха. Когда они вернулись, бедняга вжался от ужаса в стену: мессир Карцеп был в одних черных шароварах, со старым зазубренным ятаганом в руках, а Юлия, приплясывая, несла пустое медное блюдо, теперь она выглядела сумасшедшей старухой и от былой ее красоты не осталось и следа.

– Что вы собираетесь делать, хозяин? – дрожащим голосом спросил Питер, не отводя взгляда от страшного оружия в руках Карцепа.

– А какая тебе разница, раб? Раньше или позже ты умрешь все равно, твоя жизнь принадлежит нам.

– Но послушайте – я могу дать вам выкуп! Вернее, за меня дадут выкуп! – Глядя на приближающегося Карцепа, Питер стал извиваться, предпринимая безуспешные попытки выдернуть из стены железные кольца.

– Не нужно. – Карцеп улыбнулся. – Для Юлии гораздо важнее выкупиться в твоей крови.

– Не надо, прошу вас! Вам дадут золото! Много золота! Я откажусь от наследства дяди в вашу пользу – вы станете очень богаты, у вас будет дом в пять раз больше, чем этот!

– Скорее, я не могу больше ждать! – завизжала Юлия, и ее черты стали изменяться, как будто изнутри ее сжигал огонь. – Выпотроши его, выпотроши-ши! Крови хочу-у-у, кровии-и-и!

– За деньги, которые вы получите, можно купить много рабов! Самых лучших – у вас будет больше крови! – попытался хитрить Питер, однако одурочить этих чудовищ он не мог.

Шипя от удовольствия, Карцеп провел на груди Питера первую кровавую полосу.

Невольник взвыл, будучи уверен, что пришли последние минуты его жизни.

– Но почему я?! Почему я?! – воскликнул он, обращая свой вопрос в пустоту.

– Все очень просто, нам нужна грязная кровь, кровь потомственного торгаша. Твое потомственное занятие и есть твой смертный приговор!

– Но я не потомственный торгаш!

– Что значит не потомственный торгаш? – На злобном лице Карцепа проявилось недоумение.

– Убей его, Зигфрид, он пытается обмануть нас! – взвыла Юлия и затряслась всем своим морщинистым телом. Теперь она выглядела как труп.

– Заткнись! – оборвал ее Карцеп. – Мы не можем допустить ошибки, разве ты не понимаешь? – И, обращаясь к Питеру, продолжил: – Я все про тебя узнал, твой дядя – Нух Земанис, богатейший человек Гудбурга! Разве не так?

– Так, хозяин, только я не из Земанисов, меня зовут Питер Фонтен, мой отец был садовником в доме мэра города Недда, все население которого вымерло от неизвестного поветрия. Остались только Нух Земанис и я – он подобрал меня и воспитал, так я стал его наследником, не являясь потомком Земанисов...

Выпалив все единым духом, Питер с замиранием сердца стал ждать вердикта мессира Карцепа.

– Он не лжет, – произнес хозяин спустя мгновение. – Я это вижу. – И, подойдя к несостоявшейся жертве, перерезал ятаганом путы, коротко бросив: – Пошел прочь.

Уговаривать Питера не было нужды, он подхватил одежду и босой побежал наверх по ступеням, пока хватало света факелов, потом пробирался на ощупь.

Толкнул входную дверь и оказался на воздухе, не веря, что снова может им дышать.

Сев на ступени крыльца, Питер дрожащими руками натянул одежду и босым вернулся в домик.

– Ты вернулся? – удивился Мургаб.

– Как видишь.

Питер прошел в свою комнату и сел на лавку. Только сейчас он стал осмысливать то, что видел, будто снова слышал крики бесноватшейся Юлии:

– Это ты виноват – где нам теперь взять другую жертву?! Я старею, посмотри – я опять старею!

– Не ори на меня, я куплю другого раба или украду торговца в городе. Я обязательно что-нибудь придумаю, у нас будет грязная кровь.

25

Новый день после бессонной ночи начался неожиданно. Услышав в коридоре шум, Питер подпрыгнул на кровати – он не заметил, как заснул под утро после изнурительного ночного бдения.

Хозяин ударил в дверь кулаком, и та распахнулась. Питер был уже на ногах и широко раскрытыми глазами смотрел на мессира Карцепа. Выглядел тот ужасно, должно быть, эта ночь оказалась бессонной не только для его невольника.

– Собирайся!

– Я уже готов.

Карцеп зло дернул головой и вышел, Питер поспешил за ним, на ходу подвязывая башмаки.

Не оборачиваясь, хозяин быстро прошел через весь двор, толкнул створку ворот, и они оказались на улице, где Мургаб держал под уздцы лошадь.

Вскочив в седло, Карцеп крикнул:

– Не отставать!

И принялся нахлестывать лошадь плетью.

Ориентируясь лишь на удаляющийся пыльный шлейф, Питер бежал что есть сил, а когда терял хозяина, тот возвращался и бил медлительного раба плетью. Продолжалось это достаточно долго, еще не зажившая спина Питера снова кровоточила, а на лице к старым синякам прибавились новые кровоподтеки и слой пыли. Прохожие не обращали на избиение особого внимания и шли своей дорогой, лишь изредка бросая на Карцепа настороженные взгляды.

Видя, что невольник вот-вот свалится, хозяин поехал медленнее и наконец в ту сторону, куда собирался.

Избитый Питер, покачиваясь, плелся сзади. Он тупо взирал на высокие дома в обрамлении островерхих кипарисов, после кварталов частных домовладений здесь начинались постройки казенных служб наместника.

Длинная белая стена, вдоль которой они двигались, наконец закончилась каменной аркой и воротами в ней, их охраняли двое часовых в мундирах пехотинцев с алебардами в руках.

Узнав советника, они отсалютовали ему и приняли коня, когда он спешился.

Хозяин прошел в ворота, и Питер, словно собачонка, поспешил следом. Они миновали широкий пыльный двор, окруженный безликими каменными постройками, и остановились под следующей каменной аркой, охраняемой еще одним часовым.

– Солдат, позови сержанта, – не терпящим возражения голосом приказал Карцеп.

– Сержант Гудьир, вас зовет господин советник! – заголосил часовой. Карцеп скривился.

На ходу затягивая алый кушак и надевая киперку, появился сержант. Его усы лоснились от бараньего жира, на сорочке было свежее винное пятно.

– Здравия желаю, господин советник, сэр!

– Я хочу продать своего раба казне, – без перехода заявил Карцеп.

– А! Этого, что ли?

– Да.

Сержант икнул и прижал руки к груди, извиняясь.

– Уж больно он щеделушен и молод, господин советник, сэр. Такой сдохнет еще на марше – зачем казне такая требуха?

– Сержант, у вас есть циркуляр?

– Так точно, господин советник, есть.

– Ну так посмотрите в него – этот раб полностью соответствует требованиям. И вовсе он не щеделушный, он построил мне каменную стену.

Сержант вздохнул и еще раз взглянул на Питера.

– Вижу, что он подходит, руки-ноги при нем, оба глаза на месте. Так что сейчас же принесу формуляр, и впишем этого мерзавца. Одну минуту, господин советник, сэр. Одну минуту...

Сержант ушел, и только часовой теперь с интересом наблюдал за хозяином и его избитым рабом, гадая, за какие прегрешения невольника продают на верную смерть.

– Проще было бы убить тебя, я не нуждаюсь в этих грошах, что за тебя заплатят, – негромко произнес Карцеп, адресуя сказанное Питеру. – Но я не хочу, чтобы ты так легко покинул этот мир, ты должен сполна заплатить за мою ошибку. Сполна.

Вернулся сержант с формуляром и горсткой серебра.

– Как тебя зовут, засранец?

– Питер Фонтен, ваша милость.

– Не ваша милость, а господин сержант!

– Простите меня, господин сержант.

– Ах ты, задница деревенская! – Сержант ударил Питера ногой в голень, и тот, охнув, опустился на землю.

– Сержант, давайте уже подпишем формуляр, а то вы убьете моего раба, еще не заплатив за него деньги.

– Не извольте беспокоиться, господин советник, сэр! Эти твари ужас какие живучие – словно кошки, честное благородное. Удивляюсь даже.

Формуляр был заполнен, и пять серебряных рилли перешли в руки советника. Повернувшись, он пошел прочь, а сержант Гудьир еще надавал Питеру жестким солдатским башмаком в голень и сказал:

– Добро пожаловать в императорскую армию, сучонок. Эта крыса, советник, всучил нам тебя, но знай: ты еще будешь тосковать по его плети, такую мы тебе устроим жизнь, сучонок. Встал и шагом марш за мной!

– Но я не могу идти, господин сержант... Вы отбили мне ногу...

– Прыгай на одной, ур-род! – заорал сержант, брызгая слюной. – А то прикажу забить тебя прямо здесь!

Поняв, что сержант не шутит, Питер, преодолевая боль, поднялся и запрыгал на одной ноге за новым хозяином, осознавая, что пожелание мессира Карцепа начало сбываться.

26

В числе других рабов, количеством около сотни, Питера поместили жить в длинный сарай. Спали здесь часов по пять, а то и меньше, все остальное время посвящалось «познанию трудностей солдатской службы», как любил повторять вечно пьяный и злой сержант Гудьир. Познание трудностей заключалось в издевательствах над безответными рабами самого сержанта и его семерых помощников.

Чаще всего казенных людей заставляли перетаскивать тяжелые каменные блоки с одного конца пыльного двора на другой. Поднимать их удавалось только вдвоем, однако при этом, ради смеха, сержант устраивал состязания и вместе со своими дружками хлестал рабов плетками, заставляя их передвигаться с блоками быстрее. В результате те, кто приходил последним, отправлялись в «лечебницу» – темный подвал одного из казенных помещений. Из лечебницы никто никогда не возвращался, а через сутки в сарай приносили одежду, чтобы отдать тем, кто сильно поизносился.

Иногда Гудьiru надоедали скачки с тяжестями, и он просто ставил рабов на солнцепеке, а сам, сидя в тени, следил за тем, чтобы никто не шатался. Когда кто-то падал, его оставляли лежать, часто испытываемые там и умирали.

Несмотря на то что у Питера болела ушибленная нога, он старался не подавать виду и, чтобы не попасть в «лечебницу», старательно таскал камни в паре с такими же, как он, беднягами.

Помимо основной бесправной части невольников среди казенных рабов имелась собственная «знать» – настоящие воры и разбойники, убивавшие на воле людей и, будучи пойманными, проданные в неволю. Руководил воровской шайкой некто Рафтер, человек сильный и жестокий. Его молодчики терзали людей в сарае, после того как те возвращались с ристалищ сержанта Гудьира. Рафтер требовал подношений, вымогая те крохи, что удавалось заполучить несчастным самыми удивительными способами.

Почти каждый день кто-то из невольников выходил в город на работу с оплатой в карман сержанта, но по возвращении молодчики Рафтера трясли несчастного, забирая у него то, что удалось стащить на воле, – кусок хлеба, монетку или носовой платок. В неволе ценился любой пустяк.

Разбойники имели преимущества не только в сарае, но и перед сержантом Гудьиром, члены шайки никогда не подвергались тем издевательствам, что остальные невольники, откупаясь своей добычей и присматривая за основной массой рабов.

Через две недели пребывания в сарае в качестве казенного невольника Питер все еще был жив. Его неоднократно избивали помощники сержанта и разбойники Рафтера, однако пока ему везло и все обходилось кровью и синяками – кости оставались целыми. Миновало Питера и другое несчастье – большинство невольников страдали запорами от пищи, которую им давали, бедняги обрывали с дикой сливы листья, чтобы хоть как-то поправить здоровье.

– Сегодня у вас есть возможность отличиться, дерьмоеды! – объявил сержант перед началом очередного ежедневного истязания. – Мне нужен каменщик – есть знакомые с этим ремеслом?

Питер думал недолго.

– Я, господин сержант! – Он высоко поднял руку, чтобы его заметили.

– Ну-ка выйди сюда.

Питер вышел и замер в напряженном ожидании. Гудьир мог отреагировать как угодно – дать пинка, ударить в лицо или отправить в «лечебницу».

– Это ты каменщик? – Сержант обошел худосочного юношу вокруг. – Ты знаешь, что с тобой будет, если окажется, что ты не каменщик?

– Знаю, господин сержант.

– Сколько же тебе лет, задохлик?

– Семнадцать, – соврал Питер.

– Кем был твой отец?

– Садовником, господин сержант.

– Где же ты научился ремеслу каменщика?

– У своего бывшего хозяина советника Карцепа.

– А, помню, тебя мне всучил этот... советник. Ладно, каменщик, бери с собой еще одного мерзавца, и пойдете в город – там для вас будет работа.

Питер выбрал Спироса, их лежанки в сарае располагались рядом, однако тот пошел с неохотой, вызывая косые взгляды помощников Гудьира.

– Ты чего, хочешь отправиться с остальными? – удивленно спросил Питер, кивнув на понурых, шагавших во двор невольников: сегодня их должно было стать меньше.

– Там у меня есть возможность спрятаться, а с тобой не выкрутишься. Ну какой из тебя каменщик?

– Тихо, солдаты услышат – доложат сержанту.

Они шли по городу в сопровождении двух конвойных с алебардами. Здесь им никто не сочувствовал – местные жители зарабатывали на перепродаже рабов.

Когда прибыли на место, оказалось, что работа несложная: то ли родственнице, то ли любовнице сержанта Гудьира требовалось поставить каменную стену: прежняя рассыпалась из-за плохого раствора.

– Вот и отлично! – обрадовался Питер. – Здесь даже камни тесать не нужно.

– Точно справишься? – еще раз спросил Спирос.

– Не бойся, я у хозяина посложнее стену складывал.

Спирос немного расслабился, но окончательно поверил в способности Питера, когда тот стал перечислять хозяйке, что ему нужно для работы.

Солдаты смотрели на все равнодушно, они нейтрально относились к казенным рабам, поскольку не любили сержанта Гудьира.

Работа шла споро, остатки стены разобрали, очистили камни от старого раствора и начали отстраивать стену заново. В обед хозяйка принесла две свежие лепешки и чай. Одну Спирос сразу отнес солдатам, они это оценили и из собственных запасов дали два кусочка вяленой баранины.

Когда солнце стало клониться к горизонту, работу свернули и в сопровождении конвоиров отправились на казенный двор.

В сарае их уже поджидал Рафтер с молодчиками.

– Что принесли, щеночки? – спросил он.

– Ничего, – ответил Питер.

– Это плохо, щеночки.

Их бросили на земляной пол и стали бить ногами, а Рафтер наставительно приговаривал, что возвращаться пустыми нельзя.

– Но мы работали только за хлеб! – пытался объясниться Питер, закрываясь от ударов. – Завтра я что-нибудь принесу!

– Жри сам свой хлеб! Мне нужны деньги, золото!

Избивать их прекратили так же неожиданно, как и начали. Спирос подал Питеру руку, тот с трудом поднялся и, закашлявшись, сплюнул кровью.

– Э-э, да ты совсем не умеешь прикидываться!

– Что ты имеешь в виду? – Питеру наконец удалось распрямиться.

– Когда бьют, надо показывать, что тебе очень больно, но при этом не подставлять печенку, почки... Пусть разобьют морду – это заживет, но потроха надо спасать.

Питер кивнул. Спирос знал много полезного для выживания в неволе, он происходил с одного из островов Савойского моря, был украден пиратами и продан в рабство, поскольку по возрасту еще не годился стать галерным гребцом.

Вернувшись на место, Питер и Спирос обнаружили одно из соседних мест на полу пустующим.

– В «лечебнице», – пояснил Крафт, беглый солдат. – Сержант палкой перебил ему ногу.

Напарники сели на набитые гнилой соломой матрасы, чтобы перевести дух после работы и избиения. Вокруг тихо переговаривались люди, к тому, что завтра кто-то из них должен был умереть, они относились как к неизбежному.

На другой день снова была работа в городе, а потом избиение в сарае – чуть дольше, чем в прошлый раз. Питер правдоподобно стонал от боли и пытался закрываться, как учил его Спирос, однако после наказания снова не мог подняться самостоятельно.

Неожиданно Рафтер вернулся, но бить не стал.

– Слушай сюда, щеночки, завтра пошерстите в доме, где работаете, поищите серебро, золотишко, брошки.

– Нас охраняют солдаты.

– А вы их обманите, ты-то, Спирос, не новичок в таких делах.

– Но это родственница сержанта, он убьет нас!

– Если попадетесь – убьет, а я вас тут точно удавлю, вот этими самыми руками.

И Рафтер продемонстрировал свои огромные ладони.

– Что делать будем? – спросил Питер, когда разбойник оставил их в покое.

– Не знаю, раза на два нас еще хватит, потом могут и убить...

Вернувшись на свои места, они увидели, что на пустое место попавшего в «лечебницу» пристроили новичка – те, кому не хватало матрасов, спали на голом полу в проходе, а по мере того, как освобождались места, получали «человеческие условия».

27

На следующий день Питеру и Спиросу повезло: во время работы они нашли под камнями старую медную монету в два кадастра. Деньги были небольшие, однако монету можно было отдать вымогателям.

Когда напарники вернулись с работы, к ним тотчас подошли бандиты Рафтера. Питер отдал начищенную монету и соврал, что украл ее. Предводитель шайки приказал им раздеться, чтобы узнать, не прячут ли они на себе целый кошелек, а ничего не найдя, сказал, что два кадастра – слишком мало.

– На первый раз я вас прощаю – все-таки начало положено, но завтра я хочу получить не меньше десяти кадастров. Но лучше всего – золото. Принесите мне его, и вы станете моими лучшими друзьями.

– Вроде обошлось, – облегченно вздохнул Питер, глядя вслед Рафтеру.

– Да, еще один день прожит.

И только сейчас они обратили внимание на то, что в сарае было что-то не так, вместо монотонного гудения слышались стенания и всхлипы.

– Смотри, да здесь все в крови!

Поспешив к своим местам, Питер и Спирос увидели Крафта. Он прижимал к лицу мокрую, покрасневшую от крови тряпку, а рядом с ним было два пустующих матраса.

– Что случилось?

Крафт криво усмехнулся – одна сторона его лица представляла собой сплошной кровоподтек, глаз совсем заплыл.

– Сегодня их как будто подменили – это были демоны, а не люди! Четверых забили насмерть!

– Они сошли с ума от крови, я о таком слышал, – сказал Спирос.

– Думаю, дело не в этом, – подал голос желтоволосый Густав из Пярту, города, стоявшего на двести миль севернее Гудбурга. Прихрамывая, он подошел и опустился на пустующий матрас. – Мне удалось услышать лишь пару слов, которые могут все объяснить.

– Что же это за слова? – спросил Питер.

– Двое мерзавцев Гудыра говорили между собой – будет война.

– Будет война?

– Да.

– С кем?

– Этого я не знаю.

– Может, в этом все и дело, – согласился Спирос. – Ведь для нас война – это освобождение, а для них – смертельная угроза. Вот потому и напились, потому и зло на нас срывали.

– С кем же может быть война? – спросил Питер.

– Да с кем угодно, на Савойском побережье всегда неспокойно, туранский хан или гельбийские князья всегда готовы поколобродить.

– А где это все?

– На восточном побережье, – пояснил Крафт, осторожно притрагиваясь к разбитому лицу. – Надеюсь, мы доживем до этой войны, очень хочется прирезать сержанта.

– Как это? – не понял Питер.

– Если пошлют воевать, нам дадут оружие, там и посчитаемся с кем надо.

На следующее утро еще до рассвета в сарай ворвались сержант Гудыр и его помощники. Они стали бить плетью всех подряд и орать, чтобы «уроды» немедленно выходили во двор. Повторять дважды никому не пришлось, досталось даже Рафтеру и его молодчикам.

С выпученными глазами, перепуганные, они стояли в общем строю и затравленно озирались.

– Слушайте меня, мер-рзавцы! – закричал Гудьир, борясь с тошнотой. – Слу...

Произнести второй раз не получилось – рвотная судорога согнула сержанта пополам, и он выметал на землю все, что с такой настойчивостью пожирал всю ночь.

– Посчи... Посчитайте всех, – произнес он едва слышно, и помощники заметались, визгиливо выкрикивая угрозы и выстраивая рабов в одну шеренгу. Потом принялись считать.

В первый раз получилось девяносто два, во второй – девяносто семь, и как ни пытались сержант и его помощники перепроверить друг друга, всякий раз у них выходило разное число.

– Ладно, – махнул плетью Гудьир. – Гораздо важнее всю эту сволочь помыть, ну или как-то привести в порядок. Почему они такие грязные, а, Турульффар?

– Командир, они в крови, – развел руками помощник. – Мы им вчера крепко начистили морды.

– Моя бы воля... – Сержант икнул. – Моя бы воля, я бы всех их пере-перерезал. Ничемные твар-ри... В общем, я пойду прилягу, а вы тут налейте в бассейны воды, что ли, пусть эти свиньи там помоются.

– Бассейны засыпаны песком и камнями – мы же в прошлом году это сделали.

– Да? И я тоже?

– Это был ваш приказ, командир.

– Пусть все очистят и нальют воды, а я пойду прилягу.

Двигаясь боком, сержант ушел, и его помощники стали распоряжаться, противореча друг другу. Наконец им удалось поставить людей на очистку двух бассейнов, правда, потом выяснилось, что воды хватит только для одного, поэтому второй снова засыпали.

Когда один бассейн был очищен и выметен, людей перебросили к колодцу. Он находился в ста ярдах – на другом конце казенной территории, и воду пришлось возить на телеге в большой бочке, запряженной парой подслеповатых мулов.

После того как перевезли четыре бочки, выяснилось, что вода в колодце закончилась, а в бассейне было только-только по щиколотку, да и то вперемешку с пылью получилась жидкая грязь. Посмотрев на то, что получилось, помощники сержанта пришли к выводу, что отменять приказ командира не следует: если велел мыться в бассейне – пусть моются.

Пока неполная сотня голых невольников поочередно скоблила в грязи штаны и рубахи, родился устойчивый слух о том, что проверять казенных рабов должны приехать придворные его императорского величества Рамбоссы Лучезарного.

После стирки к народу вышел сержант Гудьир – злой, с перекошенной физиономией. Тяжкое похмелье влекло его отоспаться, однако предстоящее прибытие важных персон гнало на службу.

Появление Гудыира напугало невольников, однако сейчас он был в другом расположении духа.

– Кауст, Турульффар! – проскрежетал он, подзывая помощников. – Что стало с этими оборванцами, почему они черные?

– Это пока одежда мокрая, командир, сейчас высохнут, и будет как надо.

– Думаешь?

– Уверен.

– Ну гляди. Еще это... Нужно побрить их, заросли они очень.

– Что ж нам, цирюльника им тащить?

– А и тащить! Если господам из сам знаешь каких мест чего не понравится, не сносить нам головы. – И уже тише Гудьир спросил: – У нас сколько в этом году куплено?

– Почти две сотни, командир.

– А где они? Кто за потраченные денежки ответ держать будет?

– Так это... – Турульфар в задумчивости поскреб голову. – А, это! Лихоманка их повадила, шибко крепкая лихоманка!

– Лихоманка, говоришь? – Сержант вздохнул, как-то не вовремя собрались его инспектировать. Содержание на двести рабов он получал, но половину благополучно пропивал и полагал, что так будет всегда. Ан нет. – Ты вот что, Турульфар, езжай за Рюпином.

– За старым цирюльником?

– Ну да.

– Так он же совсем слепой!

– Ничего, клиенты у нас не больно разборчивые, если и порежет кого – не страшно.

– А мыло? Оно ведь денег стоит – как без пены-то брить?

– Без пены, конечно, брить трудновато, но... – Сержант задумчиво почесал в паху и продолжил: – Но у нас масло оливковое прогорклое в подвале стоит, пусть с маслом бреет.

– Оно совсем пропало, разит даже, – сморщился Турульфар.

– А тебе его нюхать, что ли? Давай тащи сюда цирюльника, пообещай серебряный рилли.

Вскоро доставили на повозке Рюпина, он толком ничего не успел понять, его подхватили под руки и вынесли со двора, а здесь дали лезвие и заставили на ощупь брить казенных людей. В помощь отрядили двоих рабов – один точил тупившиеся бритвы, другой щедро смазывал физиономии клиентов прогорклым маслом.

Когда всех побрили, началась кормежка, рабы получили по большому куску кукурузной каши на глиняной дощечке, а запивали ее водой из деревянной бочки.

На другой день прибыли важные господа – те самые, кого так боялся сержант Гудбир. Один оказался графом, ревизором императорского наместника Макитваля, двое других служили в местной канцелярии.

Ради такого случая рабов построили в две шеренги, и граф-ревизор в сопровождении чиновников прошел вдоль строя.

– Сколько здесь людей? – спросил граф.

– Девяносто пять, ваше сиятельство! – прокричал сержант, одетый по такому случаю в парадный мундир.

– А по формулярам выходит, что ты принял за год больше двух сотен – где же остальные?

– Померли от лихоманки, ваше сиятельство!

– От лихоманки?

– Так точно! От смертельного поветрия!

– Что же эта лихоманка тебя пощадила? – Глядя на потеющего сержанта, граф усмехнулся. Ему было наплевать, куда подевались какие-то рабы, он всего лишь выполнял свой долг.

Еще раз окинув взглядом казенных людей, граф отставил правую ногу и, придерживаясь за рукоять бутафорского меча, произнес:

– Соотечественники! Вот и пришла пора доказать, что вы любите своего императора и, так сказать, родину. Туранский хан Шарындасай, а также правитель чигирский и князя помельче подняли мятеж и собрали изрядное количество сил, чтобы двинуться на Гойю – столицу восточных провинций. Скоро вам выпадет честь усмирить вероломных бунтовщиков и бросить их головы к ногам нашего императора, да продлят небеса годы его правления. Особо хочу отметить, что те, кто отличится храбростью и силой духа своего на поле брани, будут пожалованы вольною для несения службы в армии Его Императорского Величества на двадцать пять лет без выплаты жалованья. Как видите, император ценит своих героев, а стало быть, вам таковыми нужно стать. Хочу вас обрадовать и тем, что ваш сержант и другие наставники пойдут на войну вместе с вами, что, безусловно, облегчит ваш ратный труд, поскольку вы тут очень сдружились. Через три или четыре дня вы отправитесь на гору Тонзур, где станете

лагерем и будете изучать ратную науку. Обучать вас будут добрый сержант Гудьир и другие наставники.

Сказав все, что нужно, граф с сопровождающими ушел, убежал за ними и сержант, а его помощники загнали невольников в сарай до выяснения обстоятельств.

Казенные люди восприняли происходящее как подарок, сегодня их никто не избивал, не ломал рук и ног, не требовал стоять на солнцепеке и бегать с каменными блоками – невольники радовались тому, что наконец уйдут отсюда, подальше от «лечебницы», из которой за минувший год не возвратилось больше сотни человек.

Возможность погибнуть на войне казалась им такой далекой и несущественной, в то время как здесь люди умирали ежедневно.

Радость основной массы невольников не разделяли только разбойники из шайки Рафтера, совсем не желавшие умереть за императора. Как потерянные они слонялись по сараю и никого не задирали.

– Счастье-то какое – на войну идем! – говорил Густав, массируя зашибленную накануне ногу.

– Да, а тем, кто проявит героизм, будет даровано еще двадцать пять лет неволи в качестве защитника императора, мы о таком и мечтать не могли, – съязвил Крафт.

– Без выплаты жалованья – считай, то же рабство, – подтвердил Спирос.

– Я слышал, солдат отпускают на побывку, – сказал Питер.

– Может, и отпускают, а тебе есть куда ехать?

– Да, у меня есть... – начал было Питер, но, решив не говорить лишнего, поправился: – У меня есть знакомые в Гудбурге, хоть я и сирота, но добрые люди попадались.

– А у меня на хуторе жена и двое ребятишек остались, – с горечью сообщил Густав.

– Одни маются?

– Старики мои живут рядом, должно, помогают. Мне бы только вырваться – как будет возможность, обязательно сбегу.

Неожиданно в сарае появился сержант Гудьир, все повскакали с мест, не зная, что ожидать от такого визита, однако мучитель был сильно пьян и покачивался. Увидев Питера, он подошел ближе и ткнул его пальцем в грудь.

– Завтра... чтобы завтра стена у Магды была доделана, сучонок! Понял меня?

– Понял, господин сержант!

– То-то – Гудьир погрозил кулаком. – Смотри у меня! – И, повернувшись, крикнул: – Все смотрите у меня!

Покачиваясь, он покинул сарай, и все вернулись на места.

– Да, нелегко этой сволочи представить, что будет стоять с нами в одном строю, – сказал Крафт.

– Точно, – кивнул Густав. – Неизвестно еще, от кого скорее получит, от чужих или от своих.

– Для него здесь своих нет, – возразил Спирос. – Ну разве что ублюдки этого Рафтера.

– Рафтер переживет сержанта ненадолго, – уверенно заявил Крафт.

28

Ночь выдалась неудачной, капитану фон Криспу не везло в игре, поначалу он выигрывал, но затем фортуна отвернулась, и кости стали падать не так. Он пытался их менять, использовал известные ему заговоры на удачную игру, но ничего не помогало.

Сначала проиграл жалованье, потом деньги, полученные от разбойника Теллира, а затем, не сумев сдержаться, поставил своего чудо-коня вместе с дорогой упряжью – всего за семь золотых, хотя сам платил двадцать пять.

Лошадь забрали сразу, предложив для смеху дать на время осла. Это была попытка затеять драку, однако странное дело – драться фон Криспу не хотелось, хотя он и слыл дуэлянтом.

– Нет, господа, благодарю покорно за осла, пройдусь лучше пешком, на свежем воздухе лучше думается, – криво улыбнувшись, ответил фон Крисп.

– Ну как знаете, капитан, может, все же дать вам хотя бы провожатых, на случай если столкнетесь с пьяными крестьянами?

Это говорил Гамбридж – жалкий насмешник – и с ним трое дружков, о дуэли речь не шла, они хотели напасть разом и убить не по правилам. Эта кучка мелкопоместных дворян с запада усердно распространяла слух, что фон Крисп не дворянин и всего лишь подделал фамильные бумаги.

– Благодарю за помощь, но я обойдусь.

– Ну как знаете, капитан.

Покинув компанию неприятелей, фон Крисп пешком отправился на другой конец слободы, где снимал в доме две просторные комнаты.

Разумеется, никакие крестьяне или даже сельские разбойники на него не напали, собаки и те держались подальше от озлобленного проигрышем дворянина.

Едва не выбив ногой дверь, он швырнул ножны с мечом о стену и закричал на слугу, чтобы тот поднимался и шел среди ночи в гарнизон – взял для него казенную лошадь.

– Вставай, скотина, утром я должен быть у графа Штейнбера!

– А где же ваша лошадка, ваше благородие? – забылся со сна слуга и тут же получил по морде. Не хватало еще, чтобы фон Крисп отчитывался перед каким-то лакеем!

Слуга быстро оделся, взял широкий нож и старый арбалет и отправился в город, а фон Крисп попытался самостоятельно снять ботфорты. Это оказалось не так просто, пара была тесной, шитой больше для форсу, чем для удобства. Фон Крисп довел себя до бешенства и едва не повыдергивал собственные ноги, пока ему удалось разуться.

Измучившись, капитан повалился на кровать и сразу заснул.

Довольно скоро его разбудил петушиный крик и голос слуги, тот расталкивал хозяина, приговаривая:

– Ваше благородие, пора вставать, вам к графу следует явиться. Ваше благородие...

– Все, я проснулся.

Слуга отошел.

Фон Крисп спустил ноги на пол и растер лицо руками. Вот и все, опять нет денег и снова нужно искать этого мерзавца Теллира: капитан давно на него работал.

В его обязанности входило уводить с важных торговых дорог охрану, заслон из императорских солдат. Ненадолго, иногда двух-трех дней хватало, чтобы Теллир со своими головорезами захватил один, а то и два обоза. Людей, тех, кого не зарезали, продавали на невольничьих рынках, а товар – в городах, куда обозы направлялись изначально.

Дело было опасное, если бы все открылось, капитан мог получить не просто смерть, а четвертование, однако пока ни свидетелей, ни обвинителей не находилось. Да и куш того стоил: иногда доля капитана доходила до тридцати золотых, ради этого стоило рискнуть.

Для офицера его ранга деньги были огромные, однако они развращали и не задерживались, уходя словно в песок. То он заказывал дорогое оружие с изумрудами на ножнах, доспехи с полировкой и воронением, шляпы с плюмажем и лошадей породы эрдхорц, потом проигрывался и начинал распродавать свои богатства, вскоре оказываясь неспособным заплатить за обед в харчевне.

Вот и сейчас он оказался при казенном наборе, правда, ботфорты с серебряными шпорами еще остались, но на них требовалось найти дурака, чтобы купил, а потом терпел и ходил с улыбочкой в этих пыточных колодках.

Снова нужно было идти на поклон к Теллиру – эрмаю Теллиру, как называли его кочевники. Он не был похож на своих земляков ни внешне, ни повадками и, по мнению фон Криспа, был смешанных кровей. Капитан подозревал, что и в других краях у Теллира имелись подобные помощники на дорогах, именно предводитель карсаматов был тем свидетелем, который мог довести капитана до рук палача. Смерти фон Крисп не боялся, но суд, позор – нет, этого допустить было нельзя, а потому следовало подумать о том, как заставить Теллира замолчать навсегда.

Задача была не из легких, угостить такого кинжалом – дорогого стоило. Теллир якшался с колдунами и даже купил у одного из них существо из сумрачного мира – эртадонта. Предводитель разбойников уверял, что отдал за него то ли пятнадцать, то ли двадцать девственниц, этот сутулый урод всегда слонялся недалеко от хозяина и пугал лошадь фон Криспа, когда тот встречался с Теллиром.

Капитан был не из пугливых, но при виде этого существа и у него по спине бегали мурашки.

– Ваше благородие, вам сегодня ехать куда-то! – напомнил слуга, и капитан вынырнул из череды невеселых мыслей.

– Лошадь привел?

– Привел, вон во дворе стоит – мардиганской породы.

– Мардиганской породы... много ты понимаешь, дурак. Неси умываться.

Слуга поставил таз и встал с кувшином наготове.

Капитан умылся, промокнул лицо и шею полотенцем, после водной процедуры в его голове стало проясняться. Пригладив волосы, он выглянул в окно – во дворе действительно стоял строевой конь уже под седлом.

Снова подумалось о Теллире, с ним требовалось что-то решать, фон Крисп никогда не оставлял свидетелей, это касалось всех его дополнительных приработков – помощи в похищении или даже прямых убийствах за деньги. За большие деньги!

«Просто так кинжалом его не угостишь, – сказал себе фон Крисп. – А тогда как? Надо думать, надо крепко думать».

Одевшись, он вышел во двор.

– Опять перетянул, дурак! – обругал он слугу, делая вид, что перетягивает подпругу заново. Знакомый с повадками хозяина, тот ничего не ответил – если накануне капитан проигрался, наутро все у него будут виноваты.

29

Двигаясь по пыльной дороге в сторону города Лонгрена, где находилось гарнизонное начальство, фон Крисп понемногу приходил в себя, а когда оказался на городской площади, перед ратушей, ощутил немалый голод. Часы на башне показывали, что время у него есть.

Время было, но деньги... Фон Крисп уже подумал просить в долг, однако, пошарив в карманах, нашел завалявшийся с хороших времен серебряный рилли. Это было немного, но если не заходить в табельные рестораны, на один день вполне хватило бы. Однако капитан задолжал везде и не спешил расплачиваться со всеми долгами, даже когда у него появлялись деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.